

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

УДК 94(47+571)+930.2

**В. Н. ХУДЯКОВ
Н. Н. РОДИГИНА**

Омский государственный
педагогический университет
Новосибирский государственный
педагогический университет

«ТОНКИЕ ЖУРНАЛЫ» КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ СИБИРИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX в. С ПОЗИЦИЙ «НОВОЙ КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ»

Статья посвящена выявлению информационных возможностей русских еженедельных журналов для изучения истории Сибирского региона в методологической рамке «новой культурной истории». Исходя из типологических характеристик «тонких журналов» и особенностей их читательской аудитории названы сюжеты сибирской жизни, привлекавшие наибольшее внимание изданий. Сконцентрировано внимание на характеристике потенциала журналов для изучения практики путешествий (научных, туристических, религиозных), материальной культуры аборигенного населения Сибири.

Ключевые слова: периодическая печать второй половины XIX — начала XX века, «новая культурная история», история культуры Сибири.

Коллеги по профессиональной корпорации историков в последние десятилетия активно рефлексировали по поводу причин осторожности историков, занимающихся конкретно-историческими сюжетами,

к новым методологическим подходам и проблемно-тематическим полям. Нам близка позиция специалиста по методологии истории З. А. Чеканцевой, обратившей внимание на то, что основанием для про-

дуктивного обращения к «новым» историям является наличие трех условий: хорошей источниковой базы; нового подхода к источникам; необходимость иного исторического мышления — «открытого, полифоничного, междисциплинарного, аналитического, «изобретательного» в поисках средств репрезентации собранного материала, вместе с тем академического, то есть включающего в себя доскональное знание основ ремесла историка» [1, с. 112]. В данной статье мы акцентируем внимание именно на первом условии, а именно — постараемся раскрыть источниковый потенциал статей и иллюстраций еженедельных иллюстрированных изданий для изучения Сибири второй половины XIX — начала XX в. с точки зрения «новой культурной истории».

Имея в виду наличие публикаций, посвященных эволюции, теоретическим истокам и основным направлениям «новой культурной истории» в разных странах [2, 3 и др.], напомним, что в широкий научный оборот данное понятие вошло в 1980-х гг., после публикации материалов конференции «Французская история: тексты и культуры» (1987), под редакцией Линн Хант [4]. Очевидно, что на содержание и тематические предпочтения «нового» направления повлияли все «повороты» гуманитарного знания XX столетия: *антропологический*, предопределивший первоочередной интерес к человеку и как к объекту, и как к субъекту исторического процесса; *лингвистический*, обусловивший особую чувствительность к языковым практикам как «героев», так и авторов исторических исследований, к вербальным воплощениям образов реальности и пр.; *визуальный*, сконцентрировавший внимание на «прочтении» изображений, выяснении их связи с идеологией, экономикой, социальной мифологией; *эмоциональный*, актуализировавший важность изучения эмоций, чувств и их влияние на индивидуальные и коллективные поведенческие стратегии. В числе основных характеристик «новой культурной истории» называют обращение к методам исторической антропологии, литературоведения; пристальное внимание к языку, репрезентациям и социальным практикам; проблемно-тематические пересечения с визуальной и гендерной историями и микроисторией. Один из «классиков» «новой культурной истории», Питер Берк, выделяет следующие тематические приоритеты, вызывающие наиболее пристальное внимание его единомышленников: история социальных практик (в том числе практики путешествий, коллекционирования); история чтения; история репрезентаций; история памяти; история материальной культуры, включающая историю еды, одежды и жилья; история телесности [4].

Объектом нашего исследования являются «тонкие журналы» изучаемой эпохи. С последних десятилетий XIX в. еженедельные издания, в том числе иллюстрированные, начинают занимать господствующее место в кругу чтения грамотного населения Российской империи. По сведениям С. Я. Махониной, в 1900 — 1917 гг. примерно треть выпускаемых периодических изданий приходилась на долю еженедельников [5, с. 175]. Суммарная аудитория еженедельных иллюстрированных журналов составляла в 1870-х гг. примерно 100 тыс. подписчиков, а в конце XIX в. — порядка полумиллиона, то есть выросла в 5 раз [6, с. 16].

Структура массовых еженедельных журналов обычно включала в себя беллетристику, материалы познавательного характера (по истории, географии, биологии), обзоры современных событий и иллюстрации (фотографии, гравюры, репродукции картин).

Таким образом, «тонкие журналы» — комплексный исторический источник, публиковавший на своих страницах художественные тексты, информационные сообщения, публицистические статьи, фельетоны, корреспонденции «с мест», статистические сведения, источники личного происхождения, визуальные источники. Основной критерий отбора материала для издателей и редакторов еженедельников — злободневность, доступность и привлекательность для массовой аудитории. Как неоднократно отмечалось исследователями, эти издания отличал подход к читателю как равноправному партнеру, удовлетворять запросы которого редакции считали своим долгом. Можно также предположить, что на тематические приоритеты влияли вкусовые пристрастия редактора, его представления о запросах читателей, наличие сведений, имевшихся «под рукой».

Основываясь на материалах, собранных в процессе создания второго тома аннотированного библиографического указателя «Тема Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX — начале XX в.» [7], выделим темы, представленные на страницах «тонких журналов», и потенциально перспективные с точки зрения «новой культурной истории». Названный том указателя, составленный сотрудниками кафедры отечественной истории Новосибирского государственного педагогического университета, содержит информацию о 2267 статьях, художественных и публицистических очерках, информационных сообщениях о Сибири и 605 иллюстрациях, помещенных на страницах 20 еженедельных журналов изучаемой эпохи. Критерием отбора журналов стала их популярность, выражавшаяся в больших тиражах, а также интерес к Сибирскому региону.

Мы уже упоминали, что внимание специалистов по «новой культурной истории» привлекает практика путешествий, в том числе в экзотические районы мира. В этом смысле иллюстрированные еженедельники, особенно для «семейного чтения» («Нива», «Всемирная иллюстрация», «Огонек», «Родина», «Живописное обозрение») и специализированные издания естественнонаучной направленности («Вокруг света», «Природа и люди»), представляли особую ценность обилием разножанровых публикаций об экспедициях, путешествиях в Сибирь и из Сибири. Корпус текстов о путешествиях представлен разными видами источников: воспоминаниями, художественными текстами, информационными сообщениями и очерками, иллюстрациями. В центре внимания изданий — такие разновидности путешествий, как исследовательские экспедиции, путешествия с религиозными и туристическими целями.

Наибольшее внимание уделялось освещению иностранных экспедиций по Сибири и Дальнему Востоку (43 статьи и сообщения, 23 иллюстрации). Большая часть текстов представлена статьями, информационными сообщениями о причинах, ходе, результатах научных (в том числе географических), промысловых, литературных экспедиций в регион, о прибытии в тот или иной сибирский город их участников. Данные тексты любопытны не столько с точки зрения содержащихся в них фактических данных (они нуждаются в сопоставлении с другими источниками), сколько авторскими оценками мотивов экспедиций, описаниями внешности и характера, биографий их участников, интерпретацией их отношения к Сибири и ее населению. Тексты и иллюстрации (представленные в основном гравюрами с рисунков и фотографий), дают возможность предположить, что именно с точки зрения сотрудников еженедельников вызы-

вало наибольший интерес и удивление иностранных путешественников как «Других», «открывающих» «Другую» Россию (именно так во второй половине XIX — начале XX в. называли Сибирь в столичной журнальной прессе). В этом смысле не случайно внимание к описанию природы края, внешности, материальной и духовной культуры коренного населения. Пытаясь описать Сибирь с позиции иностранцев, авторы еженедельников демонстрировали собственные стереотипные и мифологизированные представления о регионе и его населении, почерпнутые, главным образом из учебной и художественной литературы, периодической печати. Репрезентации путешествий иностранцев по Сибири в «тонких журналах», безусловно, выполняли и дидактическую функцию, подчеркивая героические моменты экспедиций и достойные воспроизведения характеристики их участников. Судя по количеству текстов и иллюстраций, наиболее «героическими» исследователями Сибири признавались Ф. Нансен [8, 9 и др.], А. Э. Норденшельд [10, 11 и др.], Ж. Мартэн [12, 13 и др.]. Выявляя ключевые слова и выражения, описывающие «героев нашего времени» и контексты их употребления, можно реконструировать представления авторов массовых журналов о предпочтительных поведенческих практиках, о той системе ценностных ориентаций, которая транслировалась читателям как «правильная», нормирующая социальную реальность. Не случаен в связи с этим акцент на трагические и драматические эпизоды, связанные с научным «покорением» Сибири: гибель участников экспедиций, пропавшие корабли и пр. Важно было показать героические поступки человека, преодолевающего во имя гуманных целей сопротивление могучей и экзотической природы.

Показательно, что наряду с нашими соотечественниками, описывающими путешествия иностранцев по Сибири, еженедельники публиковали тексты, написанные и самими их участниками [14], что дает возможность сопоставить национальные репрезентации и самих путешествий, и Сибири, и ее временных и постоянных обитателей. Об особенностях «воображения» Сибири зарубежными писателями свидетельствует публикация художественных произведений Ж. Верна, Л. Буссенара, с одной стороны, транслировавшая представления европейских литераторов о «мрачной и холодной стране», с другой же — способствовавшая популяризации региона как у российских, так и у зарубежных читателей.

Наряду с репрезентациями иностранных путешествий в зауральские губернии еженедельники помещали очерки, заметки, отчеты и об отечественных исследовательских экспедициях, их задачах, участниках, основных результатах (37 текстов, 4 иллюстрации). Особую ценность представляют описания и фотографии коренных народов региона, сделанные участниками экспедиций. Они дают основания для сравнения многочисленных популярных текстов о сибирских «инородцах», публиковавшихся в «тонких журналах», с интерпретациями их материальной и духовной культуры в рамках «научного дискурса».

Учитывая специфику «своего читателя», журналы подробно освещали практику путешествий по Сибири членов императорской семьи, особое внимание уделяв путешествию наследника престола Николая Александровича в 1891 г. Подробные информационные сообщения о маршрутах путешествий, сопровождаемые многочисленными фотографиями, создавали эффект причастности у читателей и способствовали ментальному «освоению» Азиатской

России. Для историков такого рода публикации любопытны, прежде всего, тем, что дают возможность, во-первых, «увидеть», что именно заслуживало внимания в регионе с точки зрения столичных и местных властей и представлялось в качестве «нашей Сибири» членам императорской семьи, во-вторых, позволяют понять, какие именно символы края признавались достойными с точки зрения реализующихся или возможных (в случае с наследником) сценариев императорской власти и как они репрезентировались в качестве таковых читателям [15–17 и др.].

Поездки по региону с религиозными целями отражены в записках миссионеров, опубликованных в еженедельном журнале «Миссионер» (1874–1879). Имея в виду, что информативные возможности и источниковые особенности записок сибирских миссионеров уже изучены Н. П. Матхановой, остановимся лишь на том, что данный корпус текстов дает возможность не только охарактеризовать образ жизни миссионеров и практику путешествий как его составной элемент, но и определить отношение миссионеров к этой стороне их жизни и деятельности, выявить в их записках повторяющиеся сюжеты, образы, устойчивые тропы, используемые при описании путевых условий Сибири.

С точки зрения истории туризма и досуга, любопытны тексты о путешествиях из Сибири в туристических и рекламных целях: о поездке верхом с Дальнего Востока в Санкт-Петербург казака Д. Н. Пешкова [18, 19 и др.], вдовы войскового старшины А. Г. Кудашовой [20 и др.], о поездке в столицу на волках И. Репечко [21]. Они не только содержат детали «бытовых» подробностей путешествий, но и позволяют выявить эволюцию мнений авторов еженедельников о целях таких путешествий и оценки самих путешественников.

Публикации еженедельников предоставляют широкие возможности и для историков, занимающихся изучением материальной культуры аборигенного населения региона. Нами выявлено 127 текстов (художественных произведений, этнографических очерков и др.), содержащих описания традиционной культуры и образа жизни сибирских «инородцев», а также 96 иллюстраций, на которых изображены представители аборигенных народов в национальной одежде, часто на фоне жилищ, их орудия труда, средства передвижения и др. В данном случае мы не учитывали публикации, посвященные социальным проблемам, касающимся сибирских аборигенов («вымиранию», алкоголизации, эксплуатации русскими и американскими промышленниками и др.), понимания, что «инородческий вопрос» в «тонких журналах» — тема, заслуживающая специального изучения.

С нашей точки зрения, интерес вызывают не только этнографические очерки, написанные профессиональными исследователями М. Н. Богдановым, Д. А. Клеменцем, А. А. Макаренко, К. Д. Носиловым и др., их потенциал очевиден, но и статьи информационного характера, ставившие задачей в доступной форме рассказать читателю о «наших сибирских индейцах». Как правило, такие статьи публиковались без указания авторства, были написаны на основании «вторичных источников» (справочной и научной литературы, материалов периодической печати). Как было ранее отмечено, они писались по определенному алгоритму, включающему в себя следующие компоненты: 1) территория проживания, ее природно-климатические, естественно-географические условия; 2) краткие сведения по истории этноса; 3) антропологический облик населения; 4) его занятия, в том

числе и орудия труда; 5) жилище; 6) одежда; 7) пища; 8) социальные отношения внутри этноса; 9) религиозные представления; 10) праздники; 11) этнопсихологические характеристики; 12) особенности взаимоотношений с русским населением [22].

Такого рода тексты дают возможность понять, какой именно «туземец» был любопытен массовому читателю и какого рода информация о нем была наиболее востребованной. Очевидно, что для большинства анализируемых нами изданий яркость изложения, «экзотичность» материала была более ценна, чем точность этнографических характеристик. В связи с этим описание деталей материальной культуры, «будней и праздников» «инородческого» населения нуждаются в уточнении и сопоставлении с материалами других источников, а вот репрезентации этнопсихологических особенностей тех или иных народов, оценки их отношений с русским и другими этносами региона представляют большой интерес с точки зрения выявления образов «другого» в культуре. Они позволяют уточнить динамику процесса включения тех или иных народ в число «своих» «инородцев», а также выявить факторы, влияющие на эту динамику. В большинстве случаев авторы публикаций избегали прямых оценочных суждений и стремились «объективно» проинформировать читателей о жизни коренного населения, подкрепляя тексты гравюрами с фотографий. Однако отдельные тексты еженедельника смело можно отнести к ориенталистскому дискурсу об «инородцах», в рамках которого аборигенное население региона рассматривалось в сравнении с более просвещенным, цивилизованным и более «европейским» русским народом и перспективы экономического и культурного развития сибирских «инородцев» часто связывались с благотворным влиянием «просветителей Азии» в лице русских колонизаторов. В рамках этого дискурса «инородцам» порой присваивались негативные коннотации «ленивых», «жадных», «вороватых», но способных к «исправлению» под влиянием цивилизации. Таким образом, публикации еженедельников о сибирских «инородцах» позволяют не только расширить существующие представления об особенностях их традиционной (в том числе материальной) культуре (особенно ценны в этом смысле иллюстрации), но и об образах аборигенного населения региона в массовом сознании, о роли представлений о коренных народах империи в формировании русской национальной идентичности.

Помимо публикаций о путешествиях и культуре коренных народов Сибири, «тонкие журналы» предоставляют исследователю «новой культурной истории» разноплановые сведения о досуге городского населения, о региональных проявлениях «юбилеемании», о репрезентациях «героев» Сибири (в первую очередь Ермака) в культурной памяти сибиряков. Ждут своих историков женские и детские еженедельники, содержащие малоизвестную исследователям информацию о детской повседневности сибиряков, мире чувств юных сибирячек, писавших корреспонденции в столичные издания, реакции читательниц женской и детской прессы на социальные катализмы начала XX столетия.

Таким образом, статьи «тонких журналов» являются ценным источником изучения истории культуры с позиций «новой культурной истории», поскольку они характеризуют сибирские сюжеты через оценки, эмоции людей, как правило, в решающие и трагические моменты их биографии. Человек предстает перед нами как субъект исторического про-

цесса, создатель своей судьбы или жертва жестоких сибирских условий.

Библиографический список

1. Чеканцева, З. А. Антропологическая история как междисциплинарное исследовательское поле: возможности и пределы / З. А. Чеканцева // Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации. — М. : ИВИ РАН, 2005. — С. 102—112.
2. Репина, Л. П. Историческая наука на рубеже XX — XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л. П. Репина. — М. : Круг, 2011. — 560 с.
3. Ходнев, А. С. «Новая» история досуга как исследовательское поле / А. С. Ходнев // Ярославский педагогический вестник. — 2011. — Т. 1, № 1. — С. 22—27.
4. Берк, П. Историческая антропология и новая культурная история / П. Берк // Новое литературное обозрение. — 2005. — № 75. — С. 46—67.
5. Махонина, С. Я. История русской журналистики начала XX в. : учеб. пособие / С. Я. Махонина. — М. : Флинта, Наука, 2006. — 368 с.
6. Ким, Ен Хван. Роль и значение журнала «Нива» в развитии русского общества на рубеже 1870-х гг. — начала XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ен Хван Ким. — М., 2004. — 24 с.
7. Тема Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX — начала XX в. : аннотированный библиографический указатель. В 2 т. Т. 2. Репрезентации Сибири в еженедельных журналах второй половины XIX — начала XX в. / Под ред. Н. Н. Родигиной. — Новосибирск : НГПУ, 2014. — 344 с.
8. Бельский, П. Современные викинги / П. Бельский // Вокруг света. — 1913. — № 43. — С. 696—700.
9. Зимовка среди льдов // Вокруг света. — 1885. — № 11. — С. 162—163.
10. [Майнов В. Н.] К-ский. Профессор А. Норденшельд и открытие им нового пути в Америку / В. Н. Майнов // Огонек. — 1879. — № 1. — С. 20—22.
11. Профессор Норденскёльд и открытие им морского сообщения Сибири с Европой // Всемирная иллюстрация. — 1876. — № 359. — С. 374.
12. М. В. Путешественник по Сибири // Вокруг света. — 1886. — № 4. — С. 59—60.
13. По Восточной Сибири. Путешествие И. Мартэна // Всемирная иллюстрация. — 1886. — № 927. — С. 292—293.
14. Виггинс, Дж. Возвращение Нансена / Дж. Виггинс // Звезда. — 1896. — № 9. — С. 218—222.
15. Путешествие Великого князя Алексея Александровича // Всемирная иллюстрация. — 1973. — № 236. — С. 27—30.
16. Путешествие Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича через Сибирь // Всемирная иллюстрация. — 1891. — № 1183—1186.
17. Матханова, Н. П. Сибирская мемуаристика XIX века Н. П. Матханова. — Новосибирск : СО РАН, 2010. — 551 с.
18. Кавалерийская поездка сотника Д. Н. Пешкова из Благовещенска в Петербург // Всемирная иллюстрация. — 1890. — № 1108. — С. 265—266.
19. Дмитрий Николаевич Пешков // Воскресение. — 1890. — № 25. — 767 с.
20. Женщина — «Герострат» // Сибирские вопросы. — 1910. — № 40/41. — С. 83—86.
21. На волках из Сибири в Санкт-Петербург // Огонек. — 1910. — № 36. — С. 16.
22. Родигина, Н. Н. «Расширяя границы...»: еженедельные журналы второй половины XIX — начала XX в. в процессе конструирования исторической памяти исторической памяти о присоединении и освоении имперских окраин / Н. Н. Родигина, О. Н. Сидорчук // Журналистика в коммуникативной культуре современности : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. — Новосибирск : РИЦ НГУ, 2014. — С. 43—46.

ХУДЯКОВ Виктор Николаевич, доктор исторических наук, профессор (Россия), заведующий кафедрой отечественной истории Омского государственного педагогического университета.

Адрес для переписки: vnh_ist@mail.ru

РОДИГИНА Наталия Николаевна, доктор исторических наук, профессор (Россия), профессор кафедр

ры отечественной истории Новосибирского государственного педагогического университета; старший научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции УрО РАН.

Адрес для переписки: natrodigina@list.ru

Статья поступила в редакцию 16.03.2015 г.

© В. Н. Худяков, Н. Н. Родигина

УДК 95(57):332.025.13

А. Г. ДИАНОВ

Сибирская государственная
автомобильно-дорожная академия,
г. Омск

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕСТНЫХ И ЦЕНТРАЛЬНЫХ КОНТРОЛЬНЫХ ОРГАНОВ В СЕРЕДИНЕ 20-х гг. XX в. (НА ПРИМЕРЕ СИБИРИ)

Статья посвящена исследованию взаимодействия Сибирского краевого и губернских отделений рабоче-крестьянской инспекции с руководством — народным комиссариатом рабоче-крестьянской инспекции РСФСР и СССР и с ведомственными контрольными органами в губерниях в 1923 — 1925 гг. Рассматриваемая проблема впервые является предметом специального исследования. Автор на основе материалов сибирских и центральных архивов анализирует общие закономерности и особенности взаимоотношений региональных и центральных контрольных органов.

Ключевые слова: Сибирь, рабоче-крестьянская инспекция, народный комиссариат РКИ, ведомственные инспекции.

Российскому государству в последнее десятилетие удалось усилить ослабевшие в 90-х гг. XX в. контрольные функции. Возрос интерес исследователей к деятельности контрольных органов в различные периоды истории России.

Анализ взаимодействия местных и центральных органов государственного контроля в середине 20 х гг., представляет интерес и в настоящее время.

Рабоче-крестьянская инспекция в изучаемый период была основным контрольным органом Советского государства. В 1923 г. в системе контрольных органов государства происходят значительные изменения, связанные с тем, что советское руководство не было удовлетворено эффективностью работы рабоче-крестьянской инспекции. Летом 1922 г. в стране развернулась дискуссия о месте РКИ в системе органов государственной власти.

Споры о месте РКИ в системе государственной власти и методах ее работы были в основном завершены с выходом работ В. И. Ленина «Как нам реорганизовать Рабкрин» и «Лучше меньше да лучше», опубликованных в январе — марте 1923 г. Руководство страны положило в основу реорганизации РКИ идеи, изложенные в этих работах. В них В. И. Ленин определил новые стержневые задачи, которые должна была решать рабоче-крестьянская инспекция. Основным направлением деятельности рабоче-крестьянской инспекции стала работа по усовершенствованию государственного аппарата, а главным методом ее осуществления был выбран инспекционно-обследовательский [1, с. 15].

Реорганизация центральных органов контроля — Центральной контрольной комиссии РКП (б) (ЦКК) и народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции СССР (НК РКИ СССР) — в основном завершилась осенью 1923 г. «В дальнейшем организационная структура НК РКИ СССР и республиканских наркоматов РКИ постоянно подвергалась серьезным изменениям, но принципы взаимоотношений РКИ и ЦКК, формы и методы их взаимосвязи, выработанные в 1923 г., до конца 20-х гг. почти не изменялись» [2, с. 15].

В данной работе автор поставил цель проанализировать взаимоотношения местных отделений рабоче-крестьянской инспекции с центральными органами (наркоматы РКИ РСФСР и СССР) и ведомственными контрольными органами.

Основой для написания работы стали фонды Государственного архива Новосибирской области. Особая значимость этого архива для освещения деятельности рабоче-крестьянской инспекции в Сибири состоит в том, что начиная с 1921 г. (после переезда из Омска) в Новониколаевске (Новосибирске) работала Сибирская областная (с 1924 г. — краевая) рабоче-крестьянская инспекция (СибРКИ). Следовательно, именно в Новосибирск поступали годовые, квартальные отчеты, доклады о результатах важнейших ревизий и обследований губернских рабоче-крестьянских инспекций Сибири [3, с. 33].

Рассматриваемая проблема впервые является предметом специального исследования. Ее отдельные аспекты были затронуты в работах сибирских исто-

риков А. П. Анашкина, М. А. Горестова, М. С. Кузнецова, А. В. Прокопенко [4–7].

Реорганизация центральных органов рабочей крестьянской инспекции нарушила связь между центральными органами и местными отделениями. Сибирское отделение РКИ с весны 1923 г. и до осени 1924 г. получало в месяц из Москвы 2–3 руководящих циркуляра или письма. На запросы, направляемые в центр, ответы приходили через 2–3 месяца, а иногда их не было совсем [8, л. 92; 9, л. 10].

Местные органы РКИ Сибири ждали ясных и четких распоряжений центра. В годовом отчете за 1922 г. Сибирская РКИ сообщала, что переход к нэпу сибирские РКИ встретили с определенной растерянностью, поскольку, не получая четких указаний из центра, многие ответственные работники стали считать, что нэп освобождает от всякого контрольного наблюдения общественные организации, хозяйственные, арендные и частные предприятия [10, с. 95].

Непосредственное общение руководства Сибирского областного (с мая 1925 г. краевого) отделения с сотрудниками центрального аппарата РКИ было редким явлением. На протяжении полутора лет выявлено два случая непосредственных контактов — в феврале 1924 г. руководитель Сибирского отделения участвовал во Всесоюзном съезде РКИ в Москве, в октябре ответственный работник наркомата РКИ РСФСР А. Г. Шилов посетил Новониколаевск, где выступил на объединенном совещании работников СибРКИ, СибКК, Новониколаевской ГубРКИ и РКИ ЗСВО [11, л. 64].

На состоявшемся в конце января — начале февраля 1924 г. Всесоюзном совещании руководителей РКИ и представителей контрольных комиссий руководство наркоматов РКИ обещало укрепить связь с местными органами РКИ. Однако этого не произошло. А. Г. Шилов на совещании в Новониколаевске объяснил причины данного явления — с сентября 1923 г. по апрель 1924 г. наркомат РКИ занимался внутренней перестройкой и почти не осуществлял руководство на местах. С апреля 1924 г. НК РКИ РСФСР устанавливает непосредственный контакт с рядом местных губернских отделений. К октябрю 1924 г. (время приезда в Сибирь представителя центра) были обследованы 22 областных и губернских отделения РКИ (менее половины). После проведения обследования планировалось проанализировать их работу и подготовить рекомендации по перестройке работы местных органов [9, л. 3; 12, л. 37].

Отсутствие четкой информации из центра и стремление ряда руководителей быть самыми верными ленинцами привели к неправильному пониманию сути взаимоотношений между губернскими отделениями РКИ и КК. Наиболее показательным в этом плане позиция председателя президиума Омской КК и заведующего ГубРКИ И. Д. Маслова. В августе 1924 г. он высказал мнение о необходимости полного стирания различий между КК и РКИ. В докладной записке, направленной в СибРКИ и НК РКИ, он предложил превратить РКИ в технический аппарат контрольной комиссии [13, л. 63; 14, л. 226].

Очевидно, он был не единственным рационализатором в этом направлении. Стремясь предотвратить нежелательные последствия, ЦКК РКП (б) в директиве от 13 октября и циркулярах от 16 октября 1924 г. потребовала от местных руководящих партийных органов и контрольных комиссий исключить возможность подмены советского аппарата партийным. Президиум КК должен осуществлять общее руководство по партийной линии через секретариат и парт-

коллегию, по советской — через коллегию (или заведующего) РКИ. Все вопросы, непосредственно не входившие в компетенцию партийного контроля, должны были рассматриваться коллегией РКИ (или заведующим) и проводиться через губисполком [4, с. 57; 15, л. 11; 16, л. 74]. Членам контрольных комиссий, не входившим в аппарат РКИ, рекомендовалось участвовать лишь в таких ревизиях и обследованиях, которые непосредственно соприкасались с работой партийных органов и организаций [17, с. 10].

На проходившем в октябре 1924 г. объединенном совещании ответственных работников сибирских РКИ и КК старший консультант СибРКИ Н. П. Казанский, обращаясь к представителю центра, высказал ряд претензий. Он обратил внимание на то, что сибирские инспекции не получили план работы РКИ на 1924 г. Отрицательно на работу инспекции влияло и то обстоятельство, что число неплановых заданий центра было в 1924 г. больше, чем плановых [18, л. 68].

В отчете, направленном сибирским отделениям РКИ в НК РКИ РСФСР в марте 1925 г., обращалось внимание на то, что сибирские инспекции находятся в полном неведении о тех организационных и принципиальных вопросах, которые возникают и дискутируются в НК РКИ. Была высказана просьба дать оценку направляемым в наркомат отчетам по результатам проведенных сибирскими инспекциями ревизий и обследований. В отчете отмечалось, что задания, полученные сибирскими инспекциями от НК РКИ РСФСР, иногда не согласовывались с НК РКИ СССР. В ряде случаев НК РКИ РСФСР при направлении заданий указывал нереальные сроки. Так, например, 29 декабря 1924 г. СибРКИ получила задание обследовать учреждения, проводящие зрелищные мероприятия, и представить в Москву материалы к 10 декабря. В начале февраля 1925 г. было получено задание обследовать аппараты отделов местных исполнительных комитетов и отчитаться перед наркоматом к 1 января 1925 г. [19, л. 88; 20, л. 58].

Сибирское областное отделение РКИ строго проводило политику единого директивного центра. Данная политика опиралась на принятое в апреле 1922 г. сибирском совещании РКИ решение, согласно которому местные организации РКИ могли связываться с центром только через СибРКИ [21, с. 19; 22, с. 6].

В январе 1924 г. НК РКИ СССР был принят циркуляр, согласно которому губернским органам РКИ, входящим в состав областных, предоставили право обращаться непосредственно в НК РКИ РСФСР и КК РКП (б) СССР с одновременным уведомлением соответствующих областных отделений [23, л. 9]. Сибирские губернские отделения по-разному отнеслись к новому порядку взаимосвязи с НК РКИ. Одни стали рассматривать его как изменение ранее существовавшего, другие вступили в переписку с СибРКИ, прося у сибирского центра указаний [20, л. 34].

Несогласованность действий наркомата РКИ и СибРКИ создавала для губернских отделений РКИ дополнительные трудности при проведении обследований. Например, в августе 1924 г. СибРКИ было дано сибирским РКИ плановое задание по обследованию торговых представительств по программе, разработанной СибРКИ. В середине сентября 1924 г. задание было выполнено, однако в конце сентября от наркомата РКИ РСФСР пришло распоряжение об обследовании торговых представительств, но по программе значительно расходившейся с программой СибРКИ. В сентябре 1924 г. Алтайская ГубРКИ получила от наркомата РКИ СССР задание по обследо-

дованию потребительской кооперации. Инспекция приступила к работе и сообщила об этом в СибРКИ, которая потребовала прекратить обследование, а через две недели приказала его возобновить, но по другой программе [20, л. 34; 24, л. 34].

Одним из факторов, негативно влиявших на качество проводимых сибирскими инспекциями обследований, являлось отсутствие обратной связи. Инспекции, отправив материалы обследования в СибРКИ, впоследствии не получили информации о качестве выполнения работы и ее значимости. Отсутствие критической оценки материалов обследований приводило к повторяемости ошибок. Отрицательное влияние на результативность работы губернских РКИ оказывало: отсутствие информации о методах и приемах ревизионной деятельности других губернских РКИ и СибРКИ, недостаток литературы, на основе которой можно было ознакомиться с лучшими образцами работ и оригинальными методами проведения обследований [24, л. 7, 172; 25, л. 42 об.; 26, л. 9, 80; 27, л. 118; 28, л. 103; 29, л. 1].

Для устранения недостатков во взаимоотношениях в январе 1925 г. члены коллегии СибРКИ посетили все губернские отделения РКИ. На основе анализа работы Томской, Иркутской и Енисейской инспекций был составлен сравнительный критический обзор их деятельности и направлен во все сибирские РКИ. Снабжение губернских отделений литературой и руководящими материалами не улучшилось. В начале 1925 г. СибРКИ удалось согласовать с НК РКИ вопрос о возвращении сибирских инспекций к системе единого директивного центра. Это внесло во взаимоотношения губернских РКИ с сибирским и московским центрами определенность и устранило проблемы, связанные с несогласованностью получаемых от них заданий [20, л. 35; 25, л. 42 об.; 30, л. 55, 6; 31, л. 80].

Таким образом, на протяжении изучаемого периода связь между НК РКИ и сибирскими инспекциями была нерегулярной. Особенно негативное влияние на результативность работы инспекции оказывало отсутствие информации о том, правильно ли инспекция провела обследование. Нарушение руководством наркомата РКИ политики единого директивного центра, которую осуществляла СибРКИ, создавало для нее дополнительные проблемы.

Взаимосвязь СибРКИ со специальными рабоче-крестьянскими инспекциями (транспортной и военной) на протяжении 1923 — первой половины 1924 г. фактически отсутствовала. После проведения II Всесибирского совещания РКИ, где присутствовали представители всех инспекций, между СибРКИ и специальными РКИ начался обмен информационными письмами. Переезд транспортной РКИ в Новониколаевск в середине 1924 г. упростил взаимный обмен информацией [20, л. 50 об.; 24, л. 8; 32, л. 22 об.].

Весной 1925 г. для усиления связи СибРКИ со специальными инспекциями ее руководители были введены в состав коллегии СибРКИ. Заведующий РКИ Западно-Сибирского военного округа вошел в качестве члена коллегии, а старший инспектор транспортной РКИ — в качестве кандидата. С целью объединения деятельности всех рабоче-крестьянских инспекций в Сибири руководство СибРКИ направило в НК РКИ РСФСР предложение об объединении сибирских отделений РКИ транспорта и связи и РКИ ЗСВО с управлением уполномоченного НК РКИ по Сибири, с образованием из них самостоятельных отделов. НК РКИ РСФСР не поддержал эту инициативу [25, л. 5, 92 об.]. Из губернских РКИ только

Иркутская осуществляла информационный обмен с местным отделением железнодорожной инспекции [32, л. 22].

С ведомственными контрольными органами до осени 1924 г. губернские отделения РКИ не имели регулярных контактов. Исключением были контрольные аппараты губернских финансовых отделов. По заданиям ГубРКИ они производили ревизионные работы в области документальной ревизии, иногда совместно с сотрудниками РКИ [33, л. 77, 78]. В сентябре 1924 г. губернские РКИ получили задание произвести ревизионное обследование ведомственных контрольных органов. По его окончанию было принято решение о налаживании взаимосвязи с ними путем обмена информацией и созыва периодических совещаний с участием представителей РКИ и ведомственных контрольных аппаратов [32, л. 38 об.]. В первой половине 1925 г. взаимодействие с контрольным аппаратом губернских финансовых отделов усилилось. Представители отделов приняли непосредственное участие в обследовании низовой кооперации и местного бюджета. Из ревизионных комиссий других ведомств в работе РКИ непосредственное участие принимала ревизионная комиссия Барнаульского отдела местного хозяйства в ходе обследования местной промышленности и ревизионная комиссия Алтайского кооперативного союза при обследовании потребительской кооперации [34, л. 115 об.]. В целом связь РКИ с контрольными органами других ведомств в 1925 г. была не систематической, она выражалась в редком взаимном использовании ревизионных материалов. Совместные совещания не проводились [24, л. 122; 35, л. 67]. СибРКИ с целью согласования работы всех контролирующих инспекций в интересах улучшения государственного аппарата предложила НК РКИ РСФСР предоставить ей в необходимых случаях право давать руководящие указания ведомственным контрольным аппаратам в форме предложений о проведении тех или иных ревизионных работ. Обязать ведомственные контрольные органы информировать РКИ о своих работах путем посылки копий своих докладов, заключений и отчетов. Возложить на приезжающих в Сибирь с ревизионными целями представителей центральных ведомственных контрольных органов обязанность информировать СибРКИ о результатах их ревизионной работы. Ответа со стороны НК РКИ РСФСР на это предложение не последовало [25, л. 5, 89].

Таким образом, реорганизация центральных органов контроля (народного комиссариата РКИ) привела к ухудшению руководства местными отделениями в 1923 — начале 1924 г. С весны 1924 г. происходит постепенное восстановление взаимодействия наркомата РКИ РСФСР с губернскими отделениями РКИ. Однако до конца изучаемого периода связь между НК РКИ и сибирскими инспекциями была нерегулярной. Обратная связь фактически отсутствовала, и губернские отделения РКИ, отправляя в центр материалы обследований, не имели информации об их дальнейшей судьбе. Несогласованность в действиях наркоматов РКИ РСФСР и РКИ СССР создавала для губернских отделений РКИ дополнительные трудности в осуществлении их деятельности. Предложение СибРКИ об объединении деятельности всех местных контрольных органов Сибири не нашло поддержки в наркомате РКИ. Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что руководство со стороны наркомата местными организациями РКИ осуществлялось неудовлетворительно, особенно в период 1923 — 1-й половины 1924 г.

Библиографический список

1. Дианов, А. Г. Преодоление кризиса рабоче-крестьянской инспекции в период становления нэпа / А. Г. Дианов // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. — 2009. — № 3 (78). — С. 12–15.
2. Дианов, А. Г. Создание объединенных органов партийно-государственного контроля. В 2 ч. Ч. 2. / А. Г. Дианов // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. — 2013. — № 4 (121). — С. 12–16.
3. Дианов, А. Г. Государственный архив Новосибирской области как источник по изучению истории сибирской рабоче-крестьянской инспекции / А. Г. Дианов // Альманах современной науки и образования. — 2014. — № 1 (80). — С. 33–35.
4. Анашкин, А. П. Становление и развитие партийно-государственного контроля в Западной Сибири (1920–1929 гг.) / А. П. Анашкин, М. С. Кузнецов. — Томск, 1982. — 208 с.
5. Анашкин, А. П. Ленинский план реорганизации рабоче-крестьянской инспекции и его осуществление на Алтае (1923–1924 гг.) / А. П. Анашкин // Сб. работ аспирантов кафедры истории КПСС. — Томск : Изд-во Томского ун-та, 1970. — Вып. 6. — С. 42–52.
6. Горестов, М. А. Ленинский план реорганизации Рабкрин и деятельность партийных организаций Сибири за его осуществление (1923–1925 гг.) / М. А. Горестов // В. И. Ленин и социально-экономические преобразования в Сибири за 50 лет Советской власти. — Красноярск, 1967. — С. 207–216.
7. Прокопенко, А. В. Подготовка и проведение реорганизации РКИ в Иркутской губернии на основе ленинских принципов (1923–1926 гг.) / А. В. Прокопенко // Вопросы истории и методики преподавания истории в школе. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966. — С. 85–104.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-374. Оп. 1. Д. 35.
9. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 152.
10. Дианов, А. Г. Деятельность Сибирской рабоче-крестьянской инспекции по претворению в жизнь принципов нэпа / А. Г. Дианов // Известия Алтайского государственного университета. — 2011. — № 4, вып. 2 (72). — С. 94–99.
11. Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 21.
12. ГАРФ. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 141.
13. ГИАОО. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 28.

14. ГИАОО. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 29.
15. ГАРФ. Ф. П-6. Оп. 1. Д. 31.
16. ГАРФ. Ф. П-6. Оп. 1. Д. 33.
17. Дианов, А. Г. Внутренняя организация органов рабоче-крестьянской инспекции Сибири в середине 20-х гг. XX в. В 2 ч. Ч. 2 / А. Г. Дианов // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. — 2014. — № 1 (125). — С. 9–12.
18. ГИАОО. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 149.
19. ГАРФ. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 138.
20. ГАРФ. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 189.
21. Дианов, А. Г. Органы рабоче-крестьянской инспекции Сибири на начальном этапе нэпа: структура профессиональной подготовки и материальное обеспечение / А. Г. Дианов // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. — 2009. — № 2 (76). — С. 18–22.
22. 1 Всесибирское совещание РКИ 1922 г. 10 – 13 апреля. — Новоноиколаевск, 1922. — 95 с.
23. ГАРФ. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 133.
24. ГАРФ. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 291.
25. ГАРФ. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 136.
26. ГАРФ. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 290.
27. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 556.
28. Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края (ЦХИИДНИКК). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 762.
29. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-320. Оп. 1. Д. 70 а.
30. ГАРФ. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 134.
31. ГИАОО. Ф. Р-460. Оп. 2. Д. 644.
32. ГАРФ. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 203.
33. ГАРФ. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 137.
34. ГАРФ. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 308.
35. ГАРФ. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 288.

ДИАНОВ Алексей Григорьевич, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры отечественной истории и политологии.
Адрес для переписки: dianov_60@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.05.2014 г.
© А. Г. Дианов

Книжная полка

Прохорова, Л. Д. История древнего мира : учеб. электрон. изд. локального распространения : конспект лекций / Л. Д. Прохорова. — Омск : ОмГТУ, 2014. — 1 о=эл. опт. диск (CD-ROM).

Содержит конспекты лекций по всем разделам дисциплины «История древнего мира», контрольные вопросы по каждой теме и библиографический список. Структура и содержание лекций соответствуют государственному стандарту высшего профессионального образования специальности «Историко-архивоведение». Для студентов специальности «Историко-архивоведение» дистанционной и заочной форм обучения.

Прохорова, Л. Д. История исторической науки : учеб. электрон. изд. локального распространения : учеб. пособие / Л. Д. Прохорова. — Омск : ОмГТУ, 2014. — 1 о=эл. опт. диск (CD-ROM).

Издание содержит конспекты лекций по всем разделам дисциплины «История исторической науки», планы семинарских занятий, задания по самостоятельной работе (СРС), контрольные вопросы по каждой теме и библиографический список. Для студентов специальности «Историко-архивоведение» дистанционной и заочной форм обучения.

ЗНАЧЕНИЕ ИНСТИТУТА ДЕЛЕГИРУЕМЫХ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ СИБИРСКОЙ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ ИНСПЕКЦИЕЙ КОНТРОЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ В НАЧАЛЕ 20-х гг. (1920–1921 гг.)

В статье на основе разнообразных источников анализируется значение института делегированных в рабоче-крестьянскую инспекцию рабочих и крестьян с точки зрения его функционального вклада в ее деятельность в 1920–1921 гг. Автором сделан вывод об утопичности идеи обучения за 4 месяца малограмотного рабочего основам самостоятельной инспекционной работы.

Ключевые слова: Сибирь, рабоче-крестьянская инспекция, ревизии, обследования, делегированные в рабоче-крестьянскую инспекцию.

В начале 20-х гг. рабоче-крестьянская инспекция (РКИ) была основным контрольным органом Советского государства. Она должна была осуществлять постоянный контроль над всеми организациями и предприятиями. В задачу инспекции входили пресечение злоупотреблений и улучшение работы подконтрольных ей учреждений [1, с. 18].

В данной статье рассматривается такой важный аспект в деятельности рабоче-крестьянской инспекции, как привлечение для участия в работе РКИ широких масс. Значение, которое придавалось этому аспекту в деятельности РКИ советским руководством, следует из того, что реорганизация государственного контроля в рабоче-крестьянскую инспекцию произошла на основе его слияния с рабочими инспекциями, возникшими в конце 1918 – начале 1919 г., как общественный институт контроля за деятельностью предприятий и хозяйственных учреждений. В декабре 1919 г. на VII Всероссийском съезде Советов было принято принципиальное решение о преобразовании госконтроля в рабоче-крестьянскую инспекцию. Это решение было реализовано в декрете ВЦИК от 7 февраля 1920 г., который утвердил «Положение о Рабоче-крестьянской инспекции». Положение резко расширило права и увеличило обязанности контроля. Рабоче-крестьянская инспекция должна была осуществлять постоянный контроль над всеми организациями и предприятиями (предварительная, фактическая, последующая ревизии). Задача РКИ состояла в том, чтобы не просто пресекать нарушения и злоупотребления, а добиваться улучшения деятельности всех подконтрольных ей учреждений [2, с. 335].

Важной функцией РКИ был контроль над исполнением законов и распоряжений правительства, борьба с волокитой и бюрократизмом в государственном аппарате. Один из центральных пунктов положения — идея о привлечении к работе в рабоче-крестьянской инспекции широких слоев населения как для решения стоящих перед ней задач, так и для обучения масс искусству управления государством.

В «Положении о Рабоче-крестьянской инспекции» от 7 февраля 1920 г. подчёркивалось, что второй задачей является привлечение широких масс к государственному управлению, РКИ должна стать школой управления для трудящихся [3, с. 104, 105].

Рассматриваемый в данной статье аспект в деятельности Сибирской рабоче-крестьянской инспекции освещался в работах сибирских историков [4–8]. Непосредственно этому вопросу посвящена одна статья [9]. Основной упор исследователи делали на значение вовлечения масс в РКИ для решения поставленной В. И. Лениным задачи по обучению трудящихся искусству управления, а не на функциональную пользу привлечения масс для решения задач, стоящих перед РКИ. Поэтому положительное значение привлечения трудящихся к работе в РКИ рассматривалось историками, прежде всего, исходя из количества привлечённых в той или иной форме к работе в РКИ, а не из той пользы, которую они приносили РКИ своей деятельностью.

В данной статье ставится задача проанализировать в первую очередь функциональную роль масс, привлечённых в той или иной форме к участию в работе Сибирской РКИ.

Основой для написания работы стали фонды Государственного архива Новосибирской области. Особая значимость Государственного архива Новосибирской области для освещения деятельности рабоче-крестьянской инспекции в Сибири состоит в том, что начиная с 1921 г. (после переезда из Омска) в Новониколаевске (Новосибирске) работала Сибирская областная (с 1924 г. — краевая) рабоче-крестьянская инспекция. Следовательно, именно в Новосибирск поступали годовые, квартальные отчёты, доклады о результатах важнейших ревизий и обследований губернских, рабоче-крестьянских инспекций Сибири [10, с. 33].

В рассматриваемый период привлечение масс к осуществлению ими контроля над органами государственного управления в основном осуществлялось в двух формах: через институт делегирован-

ных и ячейки содействия рабоче-крестьянской инспекции.

Институт делегированных начал действовать на основании декрета ВЦИК от 7 февраля 1920 г. Делегированные для участия в работе РКИ подразделялись на три категории: постоянных сотрудников, фактических контролёров, выполняющих те или иные поручения заведующих отделами рабоче-крестьянской инспекции, ведущих самостоятельные обследования и практикантов, наблюдающих за ходом работ в советских учреждениях [3, с. 106, 107].

Постоянными сотрудниками становились как правило те из делегированных в рабоче-крестьянскую инспекцию рабочих и крестьян, которые уже работали в государственном контроле или рабоче-крестьянской инспекции и обнаружили способности к инспекционной работе. Фактическими контролёрами назначались трудящиеся, делегированные в рабоче-крестьянскую инспекцию с высоким общеобразовательным уровнем, но ещё не имевшие достаточных знаний и навыков инспекционной работы и поэтому работавшие под непосредственным руководством заведующих отделами. Практикантами назначались делегированные, не имевшие достаточных знаний инспекционной работы, а зачастую и общеобразовательной подготовки. Они работали под непосредственным руководством опытных работников РКИ и должны были постепенно переходить от простых поручений к более сложным. Наиболее способные из них могли быть переведены в постоянный штат рабоче-крестьянской инспекции.

Согласно декрету о РКИ от 7 февраля 1920 г., временно делегируемые в рабоче-крестьянскую инспекцию сохраняли за собой должности, средний заработок и льготы того учреждения или предприятия, которыми они были посланы [3, с. 107]. Делегированным от волостных или сельских Советов устанавливалось содержание на 25 % ниже оклада работников уездных исполкомов [11, с. 27].

Количество трудящихся делегируемых от конкретного предприятия точно не регламентировалось. Делегируемые направлялись в рабоче-крестьянскую инспекцию на 4 месяца, а затем должны были возвращаться на своё рабочее место. Переизбрание больше двух раз не допускалось. Вернувшись на прежнее место работы, делегируемые должны были сделать отчет о своей деятельности в рабоче-крестьянской инспекции.

С мая по июль 1920 г. во всех губерниях Сибири под руководством партийных органов были проведены первые выборы делегированных. Количество избранных в губернские инспекции было различным от 236 — в Томскую до 52 — в Алтайскую. В общей сложности в Сибири на первых выборах было направлено в РКИ 748 делегированных [9, с. 143].

Учитывая, что большинство из трудящихся, делегированных к работе в рабоче-крестьянскую инспекцию, имело крайне низкий общеобразовательный уровень, инспекции должны были организовывать курсы для их подготовки. В 1920 г. они работали в Омске, Томске и Барнауле. Попытка Енисейской РКИ организовать занятия не удалась из-за отсутствия лекторов. Наиболее успешно работали курсы в Томске. Здесь занятия проводили высококвалифицированные преподаватели, программа постоянно совершенствовалась [9, с. 143].

После выборов часть трудящихся, делегированных в рабоче-крестьянскую инспекцию, имевшая соответствующую подготовку, приступала к работе. Однако основная масса включалась в работу или

после прохождения курсов, или, как это практиковала Иркутская РКИ, с утра читались лекции, а затем делегированные, разбившись на группы по 3–5 чел., участвовали в ревизиях и «летучих» проверках. Большинство из делегированных в связи с низким уровнем подготовки выполняли простые задания и работали под руководством инспекторов. Они участвовали в обследованиях учреждений, в ревизиях в приёмке и передаче товаров, занимались перемещения населения, участвовали в уплотнении и размещении жильцов.

Во второй половине 1920 первой половине 1921 г. РКИ должна была осуществлять постоянный контроль над всеми организациями и предприятиями (предварительная, фактическая, последующая ревизии, контролировать исполнение законов и бороться с волокитой в государственном аппарате). В этих условиях помощь даже со стороны не очень подготовленных, а зачастую недобросовестных (отчёты губернских отделений рабоче-крестьянской инспекции свидетельствуют о том, что часть делегированных просто не желала работать) работников в определённой степени позволяла рабоче-крестьянским инспекциям выполнять часть поставленных перед ней задач, прежде всего это проведение «летучих» ревизий и массовых обследований. Тем более что штаты РКИ в этот период не заполнялись полностью, с одной стороны, по причине отсутствия в Сибири достаточного количества грамотных людей, а с другой — в связи с более низкой, чем в других организациях, оплатой труда. Так, например, штат Томской РКИ, утвержденный на 1920 г. в 619 чел., был заполнен менее чем на треть — 180 чел. [12, с. 13]. Штат Алтайской РКИ, утвержденный на 1921 г. в 202 чел., насчитывал 73 [13, с. 86].

Рабоче-крестьянские инспекции Сибири пытались решать кадровую проблему за счёт перевода части делегируемых в большинстве случаев после окончания ими делегатского срока в постоянные сотрудники. Так, например, Алтайская РКИ летом 1921 г. перевела 28 рабочих, делегированных весной в инспекцию из практикантов, в постоянные сотрудники. Численность сотрудников возросла на 30 % и составила 48 % от определенного инспекции штата [4, с. 55; 14, л. 139].

В июле 1921 г. в связи с образованием на территории Томской и Алтайской губерний, согласно постановлению ВЦИК от 13 июля 1921 г., Новониколаевской губернии, Новониколаевское отделение РКИ было преобразовано в губернское. Штат Новониколаевской РКИ был определен в 334 человека. Фактически же его численность составляла 84 человека, причем 37 из них были практикантами, переведенными в основной состав из числа делегированных в РКИ на четыре месяца рабочих [15, с. 56; 16, л. 4 об.]. Новониколаевская РКИ за неимением квалифицированных сотрудников направляла на производство предварительной ревизии принятых на работу в инспекцию малограмотных рабочих. Им было трудно разбираться, какую из четырех виз ставить на ордера и вести положенную для этого вида работы документацию. Заведующий Новониколаевской РКИ И. Д. Маслов вынужден был разрешить им регистрацию только тех ордеров, которые запрещались инспекцией или оставались на ответственности распорядителей [17, с. 72].

В связи с более низкой, чем на предприятиях, оплатой труда значительная часть делегированных, переведенных в сотрудники, проработав несколько месяцев в РКИ, возвращалась на предприятия.

Закрепить удалось немногих. Так, например, из 64 человек, переведённых в 1920—1921 г. из делегируемых в постоянный состав Томской губернской рабоче-крестьянской инспекции, к 15 ноября 1921 г. осталось 29 [18, л. 28 об.].

На основе отчёта Томской губернской РКИ, кстати, имевшей наиболее квалифицированный из всех сибирских инспекций состав лекторов, работавших на курсах для подготовки делегированных. Можно проиллюстрировать влияние деятельности 542 делегированных в инспекцию в 1920—1921 г. на инспекционную деятельность Томской ГубРКИ. Руководство Томской рабоче-крестьянской инспекции, подводя итоги работы делегируемых в 1920—1921 гг., констатировало, что большинство из делегируемых могут выполнять только несложные работы. Их влияние на инспекционную деятельность Томской ГубРКИ незначительно. Руководство Томской губернской РКИ на основе анализа деятельности делегированных приходит к выводу: полезных государству работников мы не дали. Главная причина — низкий умственный уровень развития делегатов и короткий срок их обучения в РКИ. Низкий уровень предопределён самим порядком делегирования в РКИ. Рабоче-крестьянская инспекция должна обучать управлению государством в первую очередь женщин, а они, как правило малограмотны. Квалифицированные рабочие — наиболее способные, но они нужны предприятию и предприятия их не отпускают [19, л. 14 об., 15, 15 об.].

В Енисейской губернии 67 делегируемых, избранных от предприятий весной 1920 г., в связи с низким уровнем их общеобразовательной подготовки пользовались в основном на простых работах, при этом как правило учитывалась их профессиональная принадлежность. Делегированные осуществляли постоянное наблюдение за столовыми, хлебопекарнями, продовольственными лавками, пошивочными мастерскими Красноярска [20, л. 28, 33]. В Минусинском уезде в ходе состоявшихся в феврале 1921 г. выборов в состав делегируемых были избраны в основном малограмотные. Избранные в состав делегированных служащие, имеющие среднее образование, вскоре ушли из инспекции [21, л. 15 об.]. В Красноярске в ходе выборов в феврале 1921 г. администрации предприятий всячески препятствовали избранию квалифицированных рабочих. А в случае их избрания не откомандировывали их в инспекцию в нарушение законодательства [20, л. 433].

В Омской губернии осенью 1920 г. был зафиксирован факт пренебрежительного отношения к выборам трудящихся, делегируемых от предприятий и учреждений. От работников просвещения в инспекцию было избрано два человека — Т. О. Игнатенко и Б. В. Жеребятникова, работавшие в отделе народного образования сторожами, неграмотные. Инспекция отправила их обратно и потребовала от профсоюза работников просвещения произвести новые выборы, где кандидатами в делегируемые должны быть сотрудники, способные проводить обследования [22, л. 101, 102].

Томская губернская РКИ приводит пять случаев привлечения делегируемых к ответственности за хищения, один из делегированных по приговору ревтрибунала был расстрелян, а остальные получили различные сроки заключения. Только двадцать делегируемых, благодаря знаниям и опыту, полученному в период пребывания в Томской РКИ, перешли на более ответственную, чем до пребывания в РКИ, работу. Таким образом, ощутимую пользу как для деле-

гируемых, так и для государства принесло пребывание в Томской губернской рабоче-крестьянской инспекции только одного делегируемого из десяти [18, л. 29; 23, л. 1].

Омская и Алтайская РКИ приводят примеры ощутимой помощи со стороны делегированных. Это происходило тогда, когда в рабоче-крестьянскую инспекцию избирались люди, хорошо знающие тот или иной участок работы. Так, например, в 1921 г. в Омской губернской РКИ в артель пимокатов был направлен делегируемый, который являлся специалистом этого дела, он выявил причины брака. В результате за короткий срок количество брака понизилось с 70 до 30 % [18, л. 64]. Делегированный в Алтайскую губернскую РКИ учёный-лесовод Герасимов квалифицированно провёл всестороннее и глубокое обследование губземуправления и двух совхозов [24, л. 21]. В общей сложности за 1920 и 1921 г. в Сибири через институт делегированных прошло около 3 тыс. человек [7, с. 13].

Осуществление принципов нэпа привело к отказу значительной части предприятий производить оплату рабочим, делегированным на работу на четыре месяца в рабоче-крестьянскую инспекцию. К январю 1922 г. во всех губернских инспекциях Сибири насчитывалось только 39 делегированных вместо нескольких сотен в начале 1921 г., по этой же причине у РКИ возникали затруднения с привлечением масс к ревизионной деятельности на общественных началах [25, с. 63].

Привлекая массы к работе в рабоче-крестьянской инспекции, советское руководство ставило эту проблему в политическую плоскость. Трудящиеся, получив в РКИ навыки контрольно-ревизионной деятельности, должны были стать аппаратным резервом. Часть их должна была остаться в РКИ, часть могла быть использована для решения задачи «орабачивания» и, в какой-то мере, «окрестьянивания» других звеньев государственного аппарата. В результате за короткий промежуток времени государственный аппарат на местах состоял бы почти исключительно из социально близких делу пролетарского государства слоев. Вопрос о функциональном вкладе масс при проведении контрольно-ревизионных работ ставился второстепенным. Тем не менее считалось, что и полуграмотные, но сознательные пролетарии будут очень полезны в инспекционном аппарате.

Однако решать в 1920—1922 г. поставленную перед РКИ задачу обучения трудящихся искусству управления и одновременно получить со стороны привлеченных в РКИ существенную помощь в решении контрольно-ревизионных задач не удалось. Идея обучения за четыре месяца малограмотного рабочего пусть даже не искусству управления государством, а хотя бы простейшим приемам самостоятельной инспекционной работы оказалась утопией.

Таким образом, привлечение масс к участию в деятельности РКИ в рассматриваемый период в значительной степени вылилось в обязательное для местных РКИ мероприятие, проводимое прежде всего для отчетности перед центром. Как следствие, победные реляции о значительном количестве привлеченных к инспекционно-контрольной работе и здесь же констатация факта об очень малой значимости их деятельности для выполнения рабоче-крестьянскими инспекциями на местах плановых и внеплановых проверок и ревизий.

Библиографический список

1. Дианов, А. Г. Органы рабоче-крестьянской инспекции Сибири на начальном этапе нэпа: структура профессиональной

подготовки и материальное обеспечение / А. Г. Дианов // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. — 2009. — № 2 (76). — С. 18–22.

2. Дианов, А. Г. Возникновение советских контрольных органов в Сибири / А. Г. Дианов // Европейский журнал социальных наук. — 2013. — № 4 (32). — С. 333–341.

3. Образование и развитие органов социалистического контроля в СССР (1917–1975) : сб. док. и материалов. — М. : Политиздат, 1975. — 626 с.

4. Анашкин, А. П. Из истории создания и деятельности рабоче-крестьянской инспекции на Алтае (1920–1921 гг.) / А. П. Анашкин // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. — Томск : Изд-во Томского ун-та, 1972. — Вып. 6. — С. 49–69.

5. Анашкин, А. П. Становление и развитие партийно-государственного контроля в Западной Сибири (1920–1929 гг.) / А. П. Анашкин, М. С. Кузнецов. — Томск : Изд-во Томского ун-та, 1982. — 208 с.

6. Горестов, М. А. К вопросу об организации РКИ в Енисейской губернии / М. А. Горестов // Материалы конференции по итогам науч.-исслед. работ за 1964 г. — Красноярск, 1965. — С. 95–100.

7. Горестов, М. А. Органы рабоче-крестьянской инспекции Сибири в 1920 — первой половине 1921 гг. / М. А. Горестов // Из истории крестьянства Восточной Сибири. — Красноярск, 1966. — С. 3–32.

8. Шинкарьук, Н. И. Рабоче-крестьянская инспекция и воспитание социалистической трудовой дисциплины в рабочем классе Сибири в 1921–1925 гг. / Н. И. Шинкарьук // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. — Томск, 1963. — Вып. 1. — С. 46–68.

9. Ковальчук, Г. А. Деятельность рабоче-крестьянских инспекций Сибири по вовлечению трудящихся в государственное управление накануне нэпа / Г. А. Ковальчук // Вопросы истории социально-экономического развития советской Сибири. — Томск, 1986. — С. 141–151.

10. Дианов, А. Г. Государственный архив Новосибирской области как источник по изучению истории сибирской рабоче-крестьянской инспекции / А. Г. Дианов // Альманах современной науки и образования. — 2014. — № 1 (80). — С. 33–35.

11. Известия рабоче-крестьянской инспекции. — 1920. — № 4. — 30 с.

12. Дианов, А. Г. Преодоление кризиса рабоче-крестьянской инспекции в период становления нэпа / А. Г. Дианов //

Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. — 2009. — № 3 (78). — С. 12–15.

13. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 124.

14. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-4085. Оп. 2. Д. 868.

15. Дианов, А. Г. Внутренняя организация органов рабоче-крестьянской инспекции Сибири при переходе от военного коммунизма к нэпу (1921 г.) / А. Г. Дианов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2014. — № 2. Ч. 2. — С. 55–59.

16. ГАРФ. Ф. Р-4085. Оп. 2. Д. 867.

17. Дианов, А. Г. Проблема руководящих кадров губернских отделений сибирских рабоче-крестьянских инспекций в период перехода от военного коммунизма к нэпу (1921 г.) / А. Г. Дианов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2014. — № 3. Ч. 2. — С. 68–73.

18. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 30.

19. ГАРФ. Ф. Р-4085. Оп. 2. Д. 866.

20. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 61.

21. ГАКК. Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 199.

22. Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 13.

23. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-320. Оп. 1. Д. 70 а.

24. ГАНО. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 63.

25. Дианов, А. Г. Основные направления деятельности Сибирской рабоче-крестьянской инспекции при переходе к нэпу (вторая половина 1921 г.) / А. Г. Дианов // Известия Алтайского государственного университета. — 2010. — № 4. Вып. 2 (68). — С. 58–66.

ДИАНОВ Алексей Григорьевич, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры отечественной истории и политологии.

Адрес для переписки: dianov_60@mail.ru

Статья поступила в редакцию 01.07.2014 г.

© А. Г. Дианов

Книжная полка

Прохорова, Л. Д. История средних веков : учеб. электрон. изд. локального распространения : конспект лекций / Л. Д. Прохорова. — Омск : ОмГТУ, 2014. — 1 о=эл. опт. диск (CD-ROM).

Издание содержит конспекты лекций по всем разделам дисциплины «История средних веков», контрольные вопросы по каждой теме и библиографический список. Структура и содержание лекций соответствуют государственному стандарту высшего профессионального образования специальности «Историко-архивоведение». Для студентов специальности «Историко-архивоведение» дистанционной и заочной форм обучения.

Рыбаков, Р. В. Новая история стран Европы и Америки : учеб. электрон. изд. локального распространения : конспект лекций / Р. В. Рыбаков. — Омск : ОмГТУ, 2014. — 1 о=эл. опт. диск (CD-ROM).

Издание содержит конспекты лекций по всем разделам дисциплины «Новая история стран Европы и Америки», контрольные вопросы по каждой теме и библиографический список. Структура и содержание лекций соответствует государственному стандарту высшего профессионального образования специальности «Историко-архивоведение». Для студентов специальности «Историко-архивоведение» дистанционной и заочной форм обучения.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ (1946–1990 гг.)

В статье проанализированы исторические источники, позволяющие изучить основные тенденции и проблемы местной промышленности строительных материалов Марийской, Мордовской и Чувашской АССР. Автором отмечено, несмотря на некоторые трудности, совокупность представленных источников позволяет достаточно полно и обстоятельно раскрыть основные проблемы, а также тему в целом.

Ключевые слова: исторические источники, Среднее Поволжье, экономика СССР, промышленность строительных материалов.

Рассмотрение модернизационных процессов в региональных промышленных комплексах Марийской, Мордовской и Чувашской АССР в 1946–1990 гг. невозможно без анализа источниковедческих проблем, встающих перед исследователем, разрабатывающим вопросы регионального социально-экономического развития. При этом необходимо отметить существующий дефицит исследований по Волго-Вятскому региону. Наибольшее количество работ по истории промышленного развития вышло в Мордовской, меньшее — в Марий Эл и Чувашской Республике. Однако целостное восприятие проблемы зависит от её детальной проработки, то есть от анализа становления, эволюции и состояния различных отраслей промышленности этого сложного в экономическом и социальном плане региона. Поэтому возникает необходимость введения в научный оборот новых, в том числе неопубликованных, исторических источников, которые будут способствовать проведению комплексного анализа основных направлений, тенденций, факторов и проблем модернизации региональных промышленных комплексов Марийской, Мордовской и Чувашской АССР.

Круг источников по данной тематике достаточно широк и их можно разделить по происхождению, содержанию и значимости для темы исследования на следующие основные группы:

- 1) документы Коммунистической партии и Советского правительства, выступления, статьи, тезисы партийных и государственных руководителей;
- 2) статистика;
- 3) делопроизводственные материалы центральных и местных партийных, советских, хозяйственных органов и общественных организаций;
- 4) периодическая печать;
- 5) работы местных партийных и государственных деятелей, практических работников, хозяйственников;
- 6) мемуары.

Особенностью изучения советского периода является то, что ни одну из проблем исследуемой темы нельзя осветить без использования партийно-государственных документов и материалов. Поэтому важным источником при подготовке статьи стали материалы съездов, конференций и пленумов Ком-

мунистической партии, постановления ЦК КПСС, Совета министров СССР и Совета министров РСФСР. В них определялись важнейшие задачи экономической и научно-технической политики партии, намечались конкретные пути подъема производительных сил страны, ее регионов, разрабатывались вопросы улучшения условий труда и быта, повышения материального благосостояния советских людей. Наиболее полно постановления партии и правительства представлены в многотомных изданиях «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК» и «Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам» [1–2].

Труды руководителей КПСС и Советского государства: Н. С. Хрущева, А. Н. Косыгина, Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропова [3–6] содержат обширную информацию по узловым проблемам общественного развития страны в рассматриваемый период. Их анализ позволяет реально оценить результаты экономической политики КПСС, глубже понять причины кризисных явлений в жизни советского общества. Вместе с тем свою значимость для исследования темы эти документы и труды приобретают только в комплексе с другими видами источников.

Базовым источником для изучения промышленности строительных материалов Марийской, Мордовской и Чувашской АССР выступили статистические материалы, которые частично были опубликованы в сборниках ЦСУ СССР [7], ЦСУ РСФСР [8] и ЦСУ Марийской АССР, Мордовской АССР и Чувашской АССР [9–11]. Кроме республиканских управлений местную статистику публиковали партийные и комсомольские органы [12–14]. Ценность данного вида источников заключается, прежде всего, в том, что они отражают основные тенденции социально-экономического развития, показывают динамику общественных процессов в стране и в регионах. Статистика позволила проанализировать основные показатели развития промышленности строительных материалов и их место в народном хозяйстве республик, определить темпы ее роста, производство основных видов строительных материалов и их номенклатуру, обобщить данные по производительности труда в отрасли и т.д. Однако статистические данные нельзя абсолютизировать,

поскольку в республиках Среднего Поволжья имели место, как и в целом по стране, искажения цифрового материала. Кроме того, статистическое исследование в той или иной степени является конъюнктурным. К тому же в советское время состояние статистики было удручающим, значительные параметры развития страны и народного хозяйства были засекречены. Трудно проследить и основные тенденции развития отраслей промышленности республиканского (РСФСР) и местного (АССР) подчинения, так как статистические материалы за различные отрезки времени даются то в абсолютных цифрах, то в процентах, что не даёт возможности вывести контрольную цифру. К тому же искажение информации происходило в результате массовых приписок.

Статистические данные в соответствующих сборниках о развитии в совнархозный период промышленности строительных материалов республиканского (РСФСР) и местного (АССР) подчинения даются без подразделения на предприятия республиканского и местного (областного) значения, что затрудняет изучение проблемы. Вместе с тем имеющиеся опубликованные статистические материалы свидетельствуют о наличии значительных проблем в промышленности строительных материалов автономных республик Средневожского региона в 1946 – 1991 гг.

В связи с этим были предприняты попытки опираться не только на официально опубликованную статистику, но и на извлечения из архивов. С этой целью изучались фонды Государственного архива Российской Федерации (Ф. А-80. Министерство промышленности строительных материалов РСФСР) и Российского государственного архива экономики (Ф. 8248. Министерство промышленности строительных материалов СССР). Материалы центральных ведомств содержали сведения об основных тенденциях развития ведущих отраслей народного хозяйства, данные о результатах деятельности трудовых коллективов и т.д. При их анализе выяснились не просто разночтения по отдельным показателям, а в ряде случаев искусственное завышение данных на целые порядки. Поэтому возникли серьезные сомнения в достоверности материалов. Статистика отчетов была явно завышена, просматривается стремление их авторов показать развитие промышленности строительных материалов республик в выгодном для них свете, многие материалы дублируют данные республиканских архивов. В связи с этим было принято решение корректировать центральную статистику низовыми данными.

Особую ценность для освещения исследуемой темы имели статистические материалы, хранящиеся в фондах:

1) Государственного архива Республики Марий Эл (Ф. Р-762. Управление строительства и промышленности строительных материалов Марийского совнархоза; Ф. Р-1073. Трест промышленности строительных материалов Совета министров Марийской АССР; Ф. Р-1149. Марийское производственное объединение промышленности строительных материалов «Марийскстройматериалы»);

2) Центрального государственного архива Мордовской АССР (Ф. Р-923. Управление промышленности строительных материалов при Совете министров Мордовской АССР — Мордовское производственное объединение промышленности строительных материалов; Ф. Р-624. Управление строительства и промышленности строительных материалов Мордовского совнархоза; Ф. Р-1439. Совет народного хо-

зяйства Мордовского экономического административного района; Ф. Р-228. Совет министров Мордовской АССР);

3) Государственного исторического архива Чувашской Республики (Ф. Р-1332. Управление промышленности строительных материалов Совета министров Чувашской АССР; Ф. Р-1832. Управление промышленности строительных материалов Совета народного хозяйства Чувашского административного района; Ф. Р-2501. Чувашское производственное объединение «Чувашстройматериалы»).

В них содержались сводные данные, характеризующие экономическое и социальное развитие республик региона, показана динамика подготовки квалифицированных кадров, отражены демографические тенденции, а также количественные и качественные сдвиги в промышленности строительных материалов. Серьезный интерес представляли сведения, имевшиеся в отделах капитального строительства, промышленности, труда и заработной платы. Изученные автором динамические таблицы дали информацию о численном составе рабочих и служащих, темпах роста объемов производства, сведения о текучести кадров и другой цифровой материал, позволивший реально оценивать результаты хозяйственной деятельности предприятий и организаций республик в интересующий нас период.

Особую группу источников составили материалы делопроизводства центральных и местных партийных, советских, хозяйственных органов и общественных организаций, хранящиеся как в центральных, так и местных архивах.

Архивные документы полно и вполне достоверно характеризуют социально-экономическое развитие республик Среднего Поволжья, они позволили серьезно уточнить и скорректировать данные статистики.

В ходе исследования были отобраны самые интересные факты становления, развития и последующего кризиса промышленности строительных материалов в Марийской, Мордовской и Чувашской АССР. В совокупности они позволили в деталях представить эволюцию системы управления отраслью практически за весь исследуемый период.

Следует отметить, что частично архивные документы публиковались [15 – 17]. Однако публикации чаще всего носили узко тематический характер, освещая отдельные аспекты истории промышленности и рабочего класса, профсоюзов республик Среднего Поволжья и т.п. Тем не менее они содержали обобщающую информацию о социалистической эпохе, механизме назначения на руководящую должность, ротации кадров и их карьерном росте в зависимости от успехов управления вверенным участком народного хозяйства, социалистическом соревновании, мотивации труда коллективов заводов, фабрик, цехов и сущности социалистического соревнования и т.д.

Многогранным источником по самым разным вопросам изучаемой темы служили издания периодической печати — журналы «История СССР», «Отечественная история», «Вопросы истории», «Вопросы истории КПСС», «Свободная мысль», «Вестник статистики», «Вестник Российской академии наук», «Вопросы экономики», «СОЦИС», «Социально-гуманитарные знания», «Вестник МГУ. Серия «История»». В этих изданиях опубликованы материалы по многим дискуссионным проблемам отечественной истории, отражены узловые вопросы социально-экономического развития страны, отдельных республик, краев и областей.

Разносторонний фактический материал по исследуемым проблемам представлен в центральных и местных газетах. Изучение большого количества разных газетных публикаций потребовало кропотливой работы в течение длительного периода времени. Вместе с тем такая работа дала возможность ввести в научный оборот интересный и свежий материал, выхваченный из гуши жизни. Статьи, очерки, репортажи хорошо передавали дыхание и характер той эпохи, когда у руля государства стояла Коммунистическая партия и развитие страны определялось решениями партийных съездов и пленумов ЦК КПСС. Одновременно с этим материалы прессы отражали практически все злободневные вопросы своего времени, по ним можно реконструировать жизнь республик во всех ее многообразных проявлениях. Однако, отмечая ценность периодической печати как исторического источника, следует указать и на то, что нередко на страницах ежедневных газет публиковалась оперативная, но не всегда тщательно проверенная информация. Поэтому факты, полученные из газетных материалов, требовали к себе особого критического отношения.

Особое место среди источников занимают работы местных партийных, советских и хозяйственных руководителей, специалистов и незначительного числа рядовых работников [18]. Несмотря на то что они были написаны, как правило, под существенным воздействием господствующих в обществе идеологических представлений, работы содержат ценный материал, касающийся субъективного восприятия эпохи, ее реалий. К ним примыкают воспоминания, написанные уже в 1990-е — начале 2000-х гг. [19—20]. Конечно, мемуары — это информативно не слишком емкий, но часто содержащий уникальные сведения по анализируемой проблеме источник. Их авторами являются бывшие государственные служащие, партийные функционеры и частные лица. Воспоминания, исходящие от бывших чиновников, более достоверны в изложении фактической стороны событий, так как они писались непосредственными участниками тех или иных событий, а иногда — с использованием различных источников и литературы. Однако, как известно, спецификой мемуаров является наличие неточностей в фактах и необъективность их оценки.

Особый интерес вызывают мемуары А. И. Березина, который в 1971—1990 гг. занимал пост первого секретаря Мордовского областного комитета КПСС. Они содержат интересные наблюдения о стиле работы партийных органов, позволяют понять их роль в социально-экономическом развитии республики. Автор дал достаточно подробные характеристики руководителям промышленных предприятий, районов республики и т.п.

Таким образом, при исследовании избранной темы автор опирался на разные группы исторических источников. Каждая из этих групп имела свою специфику, свой угол отражения исторической реальности. Поэтому был использован целый комплекс источников, взаимодополнявших друг друга. Содержавшийся в них фактический и цифровой материал позволил исследовать разные аспекты социально-экономического развития Марий Эл, Мордовии и Чувашии во второй половине XX в.

Вместе с тем, как уже отмечалось, многие использованные источники требовали к себе критического подхода. Дело в том, что значительная часть источников, относящихся к советскому периоду, несет на себе печать идеологического влияния КПСС. Авто-

ритарно-бюрократическая система сформировала особый тип документальных материалов, большинство из которых односторонне отражают многообразные и противоречивые процессы общественного бытия. Это относится прежде всего к материалам партийных архивов, которые являлись продуктом партийного стиля работы того времени, когда главный акцент делался на констатацию достижений и успехов. По этой же причине осложнялась работа с газетными публикациями, т. к. до 1985 г. в центральной и местной печати преобладали материалы, которые преувеличивали достигнутые успехи, замалчивали и сглаживали трудности, нерешенные проблемы, существовавшие в реальной жизни.

Вместе с тем всестороннее объективное изучение избранной темы не всегда возможно лишь на основе письменных источников и документов. Важное значение имели личные наблюдения автора за ходом народнохозяйственного развития региона, посещение предприятий и организаций, беседы с бывшими руководителями партийных и хозяйственных органов, встречи с рабочими, служащими, учеными, инженерно-техническими работниками. Собранный в процессе непосредственного общения с ними материал помог лучше понять проблемы конкретного производства, оценить морально-психологический настрой в трудовых коллективах, определить отношение людей к решению злободневных проблем республик Среднего Поволжья.

Таким образом, анализ источниковой базы показывает, что в распоряжении исследователя находится достаточно большой пласт как опубликованных источников, так и впервые вводимых в научный оборот. Они различаются по объему, охвату временных интервалов, происхождению, степени объективности. Необходимо отметить, что использование ряда источников по истории промышленности строительных материалов республик Среднего Поволжья требует критического отношения к ним, ибо имели место как искажение цифрового материала, так и необъективность в оценке некоторых фактов. Тем не менее имеющиеся в распоряжении источники позволяют представить в целом всю многогранную картину функционирования региональных промышленных комплексов Марийской, Мордовской и Чувашской АССР на примере строительной индустрии, а также восполнить лакуны в историографии проблемы.

Библиографический список

1. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898—1971 : в 15 т. / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — 8-е изд., доп. и испр. — М. : Политиздат, 1971—1975.
 - Т. 6 : 1941—1954. — 527 с.
 - Т. 7 : 1955—1959. — 559 с.
 - Т. 8 : 1959—1965. — 567 с.
 - Т. 9 : 1966—1968. — 527 с.
 - Т. 10 : 1969—1971. — 535 с.
 - Т. 11 : 1972—1975. — 552 с.
2. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. докл. : в 16 т. / Под общ. ред. К. М. Боголюбова, М. С. Смиртюкова. — М. : Политиздат, 1968—1988.
 - Т. 3. 1941—1952 гг. — 751 с.
 - Т. 4. 1953—1961 гг. — 784 с.
 - Т. 5. 1962—1965 гг. — 751 с.
 - Т. 6. 1966—июнь 1968 г. — 816 с.
 - Т. 7. Июль 1968 г.—1969 г. — 687 с.
 - Т. 8. 1970 г. — февраль 1972 г. — 672 с.

- Т. 9. Февраль 1972 г. – сентябрь 1973 г. – 672 с.
 Т. 10. Октябрь 1973 г. – октябрь 1975 г. – 552 с.
 Т. 11. Ноябрь 1975 г. – июнь 1977 г. – 736 с.
 Т. 12. Июль 1977 г. – март 1979 г. – 768 с.
 Т. 13. Апрель 1979 г. – март 1981 г. – 736 с. ;
 Т. 14. Апрель 1981 г. – декабрь 1982 г. – 703 с.
 Т. 15. Ч. 1. 1983 г. – апрель 1984 г. – 542 с.
 Т. 15. Ч. 2. Май 1984 г. – апрель 1985 г. – 319 с.
 Т. 16. Ч. 1. Май 1985 г. – февраль 1986 г. – 304 с.
 Т. 16. Ч. 2. Февраль – декабрь 1986 г. – 560 с.
 3. Хрущев, Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства : в 8 т. / Н. С. Хрущев. – М. : Госполитиздат, 1962–1964.
 Т. 1. Сентябрь 1953 г. – январь 1955 г. – 495 с.
 Т. 2. Февраль 1955 г. – январь 1958 г. – 534 с.
 Т. 3. Январь 1958 г. – май 1959 г. – 544 с.
 Т. 4. Май 1959 г. – февраль 1961 г. – 479 с.
 Т. 5. Февраль 1961 г. – октябрь 1961 г. – 463 с.
 Т. 6. Октябрь 1961 г. – март 1962 г. – 479 с.
 Т. 7. Март 1962 г. – март 1963 г. – 495 с.
 Т. 8. Май 1963 г. – март 1964 г. – 559 с.
 4. Косыгин, А. Н. Избранные речи и статьи / А. Н. Косыгин. – М. : Политиздат, 1974. – 783 с.
 5. Брежнев, Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи : в 9 т. / Л. И. Брежнев. – М. : Политиздат.
 1970. – Т. 1. – 544 с. ; Т. 2. – 608 с.
 1972. – Т. 3. – 536 с.
 1974. – Т. 4. – 488 с.
 1976. – Т. 5. – 592 с.
 1978. – Т. 6. – 680 с.
 1979. – Т. 7. – 672 с.
 1981. – Т. 8. – 800 с.
 1982. – Т. 9. – 608 с.
 6. Андропов, Ю. В. Избранные речи и статьи / Ю. В. Андропов. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 1983. – 320 с.
 7. Народное хозяйство СССР в 1975 г. : стат. ежегодник / ЦСУ СССР. – М. : Статистика, 1976. – 846 с.
 8. Народное хозяйство РСФСР в 1980 г. : стат. ежегодник / ЦСУ РСФСР. – М. : Финансы и статистика, 1981. – 406 с.
 9. Народное хозяйство Марийской АССР в цифрах : юбил. стат. сб. [К 60-летию Марийской АССР] / Стат. управление Мар. АССР. – Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1980. – 123 с.
 10. Народное хозяйство Мордовской АССР за годы девятой пятилетки (1971–1975 гг.) : стат. сб. / ЦСУ РСФСР. Стат. управление Мордов. АССР // Под ред. К. Г. Деминой. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1976. – 207 с.
 11. Народное хозяйство Чувашской АССР за годы десятой пятилетки (1976–1980 гг.) : стат. сб. / ЦСУ РСФСР. Стат. управление Чуваш. АССР. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1982. – 126 с.
 12. Мордовская областная комсомольская организация от конференции до конференции. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1979. – 72 с.
 13. Путь борьбы и созидания: Хроника Марийской областной партийной организации КПСС / Парт. архив Марийского обкома КПСС // Сост. В. А. Ерошкин. – Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1988. – 244 с.
 14. Советская Чувашия, 1976–1980 гг.: К XXXVIII обл. парт. конф. : стат. сб. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во. – 1980. – 92 с.
 15. Социалистическая индустриализация и развитие рабочего класса Мордовии (1926 – 1970 гг.) : док. и материалы / Сост. С. В. Заварзин [и др.]. – Саранск : Мордовск. кн. изд-во, 1979. – 356 с.
 16. Промышленность и рабочий класс Чувашской АССР : в 2 ч. : сб. докл. / Редкол. : И. И. Бойко, А. В. Выйкин, М. П. Романова ; сост. : В. И. Кубрявин, Е. А. Кукина, А. М. Мурышкина. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1985. – Ч. 1. (1920 – 1950 гг.). – 360 с. ; 1987. – Ч. 2. (1951–1980 г.). – 349 с.
 17. Рабочий класс и индустриальное развитие Марийской АССР : в 2 ч. : сб. докл. / Ком. Респ. Марий Эл по делам арх., Гос. арх. Респ. Марий Эл. – Йошкар-Ола, 1999. – Ч. 2. – 1946–1985. – 335 с.
 18. Березин, А. И. О 50-летию автономии Мордовии / А. И. Березин // 50 лет автономии Советской Мордовии : торжеств. заседание Мордов. обл. ком. КПСС, Верх. Совета Мордов. АССР, посвящ. 50-летию образования Мордов. Авт. Сов. Соц. Республики. – Саранск : Мордовское кн. изд-во, 1980. – С. 37–58.
 19. Березин, А. И. Другой системы я не знал / А. И. Березин // Мордовия. – 1992. – Февраль-июнь.
 20. Учайкин, В. С. Озвученные мысли / В. С. Учайкин. – Саранск : Красный Октябрь, 2000. – 164 с.

МАТВЕЕВ Андрей Павлович, кандидат юридических наук, доцент кафедры частного права.
 Адрес для переписки: factusest@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 10.12.2014 г.
 © А. П. Матвеев

Книжная полка

Бестужев-Рюмин, К. Русская история. До конца эпохи Ивана Грозного / К. Бестужев-Рюмин ; под ред. Е. Л. Тюрина. – М. : Академический проект, 2015. – 702 с. – ISBN 978-5-8291-1641-5.

В настоящее издание входит фундаментальное сочинение выдающегося русского историка К. Н. Бестужева-Рюмина (1829–1897). Располагая богатейшим фактическим материалом, автор детально прослеживает основные этапы развития Руси в период с самого ее зарождения как государства и завершает свой анализ эпохой Ивана Грозного. Книгу открывает небольшая работа «Чему учит русская история?», которую можно рассматривать как введение к чтению основного труда Бестужева-Рюмина и которая ранее не переиздавалась. Также читатель найдет в книге интересные статьи-характеристики Бестужева-Рюмина как человека и ученого, принадлежащие перу В. О. Ключевского и С. Ф. Платонова, его ученика. Статья последнего переиздается впервые с момента ее появления в 1903 году. Строгость и последовательность изложения, обилие эмпирического материала, а также мастерский анализ причин различных событий русской истории ставят эту работу в один ряд с классическими трудами В. О. Ключевского, С. М. Соловьева, М. К. Любавского и делают ее полезной для историков профессионалов и всех, кто интересуется русской историей.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ОМСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х ГОДОВ: ПОИСК УСТОЙЧИВОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ (ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В статье анализируется изменение хозяйственного механизма в аграрном секторе, то есть приемов и способов воздействия партийных и хозяйственных органов на колхозы и совхозы в середине 1960-х — первой половине 1980-х гг. Вопросы изменения государственной политики в отношении непосредственных сельхозпроизводителей и способов взаимодействия с государством исследуются на материалах Омской области.

Ключевые слова: сельское хозяйство, аграрная политика, колхозы, совхозы, Омская область.

К началу 1960-х гг. позитивный заряд аграрных реформ, созданный решениями сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК партии и рядом последующих решений, был уже исчерпан. Единовластие Н. С. Хрущёва и принятие поспешных и оторванных от реальной жизни решений привели к ухудшению ситуации в сельском хозяйстве.

Наравне с нехваткой основных и оборотных средств важнейшей причиной негативных явлений в развитии совхозного хозяйства являлось отсутствие устойчивой мотивации работников совхозов к высокопроизводительному труду, обусловленное их отчуждённостью от средств производства и результатов труда.

Политика, направленная на ограничение личных подсобных хозяйств в конце 1950-х — начале 1960-х гг., имела негативные социальные и демографические последствия. Именно на этот исторический этап пришелся повышенный миграционный отток сельского населения в города. Миграция, в свою очередь, выступила катализатором сокращения масштабов личного сектора.

Спад производства в хозяйствах населения усилил нестабильность обеспечения жителей городов молочной и мясной продукцией. В то же время колхозно-совхозный сектор был не в состоянии удовлетворить растущий спрос на продукты животноводства. В начале 1960-х гг. количество реализуемых через магазины мясомолочных товаров увеличивалось медленно, а объёмы продаж в них животного масла заметно уменьшились. Количество заготавливаемого в стране зерна не покрывало его расходы. В 1963 г. в целях улучшения ситуации с запасами хлеба советское руководство пошло на закупку за границей нескольких миллионов тонн зерна.

В материалах мартовского (1965 г.) Пленума КПСС и ряде последующих документов была намечена совокупность мер, направленных на преодоление кризисных явлений в аграрном секторе. Главными причинами отставания сельского хозяйства на

предыдущем этапе развития были названы нарушения экономических законов социалистического производства, принципов материальной заинтересованности колхозников и рабочих совхозов в подъёме общественного хозяйства, правильного сочетания общественных и личных интересов. Также критике был подвергнут субъективизм в руководстве, что, в свою очередь, привело к ошибкам в планировании, финансировании и кредитовании сельского хозяйства, в политике цен.

В соответствии с принятым решением был осуществлён ряд мероприятий по финансированию колхозов и совхозов. С 1 мая 1965 г. были индексированы закупочные цены на продукцию животноводства и растениеводства. От уплаты подоходного налога освобождались колхозы с рентабельностью менее 15 %. Налог стал взиматься не с валового дохода, а с части чистого дохода, остающейся сверх 15 % рентабельности хозяйства [1]. Колхозы переводились на прямое банковское кредитование. Госбанку СССР было разрешено предоставлять сельхозпредприятиям долгосрочные ссуды на покупку крупного рогатого скота и на улучшение социально-бытовых условий.

Постановлением «О капитальных вложениях на развитие сельского хозяйства в 1966—1970 годах» было предусмотрено направление 41 млрд руб. государственных капитальных вложений на строительство объектов производственного назначения и приобретение техники, в том числе не менее 21 млрд руб. на строительно-монтажные работы [2].

Также снижались оптовые цены на шины, электрооборудование, приборы и топливную аппаратуру, запасные части к тракторам.

Плановые показатели намечалось доводить до сельхозпредприятий по фиксированному количеству показателей (объём закупок, капитальные вложения, фонд заработной платы, прибыль). Планы продажи растениеводческой и животноводческой продукции должны были оставаться стабильными в течение

пятилетия, их объёмы были ниже фактических сложившихся закупок предыдущих лет.

После смещения Н. С. Хрущёва принятые в 1963–1964 гг. хозяйственные решения стали реализовываться новым политическим руководством страны во главе с Л. И. Брежневым, а многие предшествующие им нововведения политико-идеологического плана, в первую очередь в системе партийно-государственного руководства сельским хозяйством, были отменены. Начавшееся в период нахождения у власти Н. С. Хрущёва преобразование колхозов в совхозы, в рамках которого реализовывалось концептуальное убеждение о преимуществах крупных хозяйственных структур над мелкими, признавалось своевременной и важной мерой и было продолжено, хотя его масштабы оказались не таким значительными, как прежде. В Омской области во второй половине 1960-х — первой половине 1980-х гг. совхозизация деревни шла медленнее, чем в предшествующие годы и по темпам отличалась от показателей Западной Сибири. За рассматриваемое двадцатилетие колхозный сектор области уменьшился на 20 % (38 предприятий), в то же время число совхозов увеличилось на 65 предприятий, или 39 %. В Западной Сибири уменьшение числа кооперативных хозяйств составило 30 %, а государственный сектор вырос на 80 % (с 844 до 1512 хозяйств) [3]. Основная масса совхозов в Омской области была создана путем разукрупнения уже имеющихся предприятий и строительства новых птицефабрик, свинокомплексов и др.

Установление неизменяемых планов производства на пятилетку и закупок сельскохозяйственной продукции, а также увеличение хозяйственной самостоятельности сельхозпредприятий во второй половине 1960-х гг. стали эффективными мерами. Успешность реализации решений мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС поставила перед государственными органами на повестку дня вопрос о предоставлении совхозам и колхозам большей финансовой и производственной самостоятельности. Однако абсолютизация планирования как главного регулятора развития аграрного сектора и нежелание правящей элиты пойти по пути, пусть даже консервативной, либерализации советской экономики, привели в 70-е гг. к преобладанию директивных методов управления сельским хозяйством и усилению администрирования, а в начале 80-х гг. — к кризисному состоянию аграрной экономики и уменьшению производства, обострению продовольственной проблемы. Партийные органы стали политическим гарантом соблюдения доктринальных идеологизированных ограничений. Разбалансировка хозяйственного механизма в начале 80-х гг. XX в. стала одной из предпосылок кризиса. Попытка синтезировать планово-директивное управление отраслью с частичной производственной самостоятельностью предприятий аграрного сектора не смогла существенно изменить действующий хозяйственный механизм в сельском хозяйстве. Объективные возможности рациональной экономической политики, ориентированной на повышение эффективности советской экономики путем совершенствования централизованного планового управления, были исчерпаны.

Практическое осуществление хозяйственных решений по сельскому хозяйству, принятых в рамках реализации установок мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, стало фактором укрепления экономики колхозов и совхозов, многие из которых стали высокорентабельными сельхозпредприятиями. Финансовые вложения, реструктуризация задолженностей

и повышение закупочных цен способствовали увеличению прибыльности колхозов и совхозов. Капиталовложения в сельское хозяйство значительно выросли в 8-й и 9-й пятилетках и составили 1,854 млрд руб. [4]. В 1965 г. хозяйства Омской области было списано 13,1 млн руб. ссудной задолженности, а также 2,3 млн руб. за технику, приобретенную колхозами и совхозами у МТС и РТС [5]. В 1965 г. колхозы и совхозы Омской области получили прибыли 31,3 млн руб., в т.ч. хозяйства Омского района — 3,4 млн руб., Горьковского — 2,2 млн руб. В 1966 г. доходы сельхозпредприятий составили 224 млн руб. и Омская область впервые за 9 лет выполнила план заготовок по всем видам продуктов [6].

Однако позитивный потенциал аграрной политики, проводившейся во второй половине 1960-х — первой половине 1980-х гг., ограничивался факторами, связанными с особенностями функционировавшей в Советском Союзе системы аграрно-экономических отношений. Важнейшим из них по-прежнему была низкая мотивация работников сельхозпредприятий в высокопроизводительном труде в общественном секторе. Уровень зарплаты колхозников и совхозных рабочих существенно увеличился, улучшались условия их труда. Объёмы заработка в колхозах и совхозах не были связаны с конечными результатами деятельности. Во многом из-за этого не было ожидаемой отдачи от средств, вложенных в аграрный сектор в рамках реализации планов по интенсификации сельского хозяйства. Тракторы, комбайны, строительные материалы, удобрения, мелиорированные земли использовались неэффективно, нерационально.

Попытки повысить заинтересованность тружеников села в развитии колхозно-совхозного хозяйства с помощью введения хозрасчётных отношений, отраслевой структуры организации сельхозпроизводства, совершенствования системы планирования, повышения цен на сельскохозяйственную продукцию дали заметный экономический эффект, который, однако, оказался кратковременным. Материальные стимулы к труду, с точки зрения господствующей идеологии, не могли быть главным двигателем прогресса, поэтому, добившись в сельском хозяйстве определённых успехов, верховная власть вновь снизила к ним внимание. С конца 1960-х гг. усиливаются административно-командные начала в управлении колхозами и совхозами, сужается их производственная самостоятельность. Действующая система налогообложения была инструментом изъятия почти всех свободных оборотных средств сельхозпредприятий, лишая тем самым наиболее рентабельные из них заинтересованности в выполнении планов и получении высоких доходов. Ситуация усложнялась усиливающимся диспаритетом цен на продукцию сельского хозяйства и промышленности. Быстрыми темпами росла себестоимость производимой продукции растениеводства и животноводства. В 1970-е гг. частыми стали просьбы со стороны областного руководства и главы региона Е. К. Лигачёва о списании ссудной задолженности. Так, в 1971 г. омский обком обращался в ЦК КПСС с просьбой о списании с хозяйств области 77,1 млн руб., в т.ч. краткосрочных ссуд — 41 млн руб., долгосрочных ссуд — 23,2 млн руб., средств на оплату труда — 12,9 млн руб. [7]. Несмотря на частичные списания, объём денежной задолженности сельхозпредприятий перед Госбанком значительно увеличился.

Обострение продовольственной проблемы в начале 80-х гг. XX в. заставило государственную власть

пересмотреть экономические отношения с предприятиями аграрного сектора. По решениям, принятым в рамках Продовольственной программы СССР 1982 г. с хозяйств Омской области списана задолженность, пролонгированы долгосрочные и краткосрочные ссуды. Повышение закупочных цен также дало ощутимый экономический эффект. Удельный вес убыточных колхозов и совхозов, составлявший в начале 1980-х гг. более 50 %, снизился к 1985 г. до 13 % по колхозам и 23 % по совхозам [8]. Развитие аграрного сектора области в 1983–1985 гг. стало более стабильным.

В рассматриваемый период значительно выросли поставки техники, удобрений и оборудования для предприятий сельского хозяйства. Количество тракторов всех марок в области увеличилось с 22,4 до 29,0 тыс., зерноуборочных комбайнов — с 11,9 до 17,6 тыс. штук [9]. Недостатки в организации ремонта техники и оборудования и снабжении сельхозпредприятий запасными частями стали причиной невысокой эффективности использования сельхозтехники в аграрном производстве. Обслуживающие предприятия направляли свои доходы не на совершенствование обслуживания колхозов и совхозов, а на укрепление собственной производственной базы. Организации аграрного сервиса монополистически распоряжались запасными частями и удобрениями, из-за чего получали значительные прибыли без учёта качества поставленной техники, произведённого ремонта и других оказанных услуг. Значительную часть грузоперевозок и ремонтных работ в области организация «Омксельхозтехника» выполняла для несельскохозяйственных организаций. Колхозы и совхозы стремились выплачивать меньше за производственно-техническое обслуживание и получать качественные товары и услуги. Сервисные предприятия были ориентированы на извлечение максимальной прибыли.

Проводившаяся политика расширения масштабов специализации и межхозяйственной кооперации, рассматривавшаяся во второй половине 1970-х гг. как основной механизм преодоления застойных явлений в аграрной экономике, имела неоднозначные последствия. Омский трест «Птицепром», состоящий из 15 хозяйств, увеличил производство яиц с 54 млн шт. в 1965 г. до 500 млн шт. в 1983 г. Значительные успехи были достигнуты и в развитии свиноводства. Известная по всему СССР фирма «Омский бекон», включавшая в себя 8 совхозов, довела продажу свинины государству с 13 тыс. т в 1974 г. до 45 тыс. т в 1983 г. [9]. Однако предприятия, специализирующиеся на производстве мяса и молока, были низкорентабельными или имели убытки. Применение на практике этого принципа организации сельхозпроизводства было обусловлено уверенностью высших государственных органов в преимуществе крупных хозяйств индустриального типа. Его реализация осуществлялась административно-бюрократическими методами, особенно во второй половине 1970-х гг., после принятия соответствующего партийного решения в условиях неблагоприятной макроэкономической ситуации.

В условиях снижения темпов аграрного развития в десятой и начале одиннадцатой пятилетки расширилась практика использования компенсационных механизмов. Одной из форм оказания помощи аграрному сектору было шефство промышленных предприятий над колхозами и совхозами, которое имело принудительный характер и было призвано восполнять нехватку у сельхозпредприятий трудовых и тех-

нических резервов. Так, в 1972 г. на уборку урожая в Омской области было отправлено 15,6 тыс. рабочих и служащих, 17,6 тыс. студентов и учащихся, 2,4 тыс. грузовых автомобилей [7]. Локомотивное депо Омска шефствовало над совхозом «Шипуновский». В 1966 г. в подшефном хозяйстве был построен зерноток, отпущены строительные материалы на 3 тыс. руб. [10]. Причинами сложностей с организацией и реализацией шефской помощи был её принудительный характер, директивное закрепление шефов за колхозами и совхозами. Этим, в свою очередь, объяснялась неоперативность в решении производственных вопросов, невнимательность руководителей ряда промышленных предприятий и организаций к своим подопечным, незаинтересованность сторон, формализм.

На решение продовольственной проблемы также было направлено создание подсобных хозяйств промышленных предприятий и организаций. Сельхозпродукция, произведенная в подсобных хозяйствах, шла в основной своей массе на снабжение фабричных и заводских столовых. При этом она имела более высокую себестоимость, чем в сельхозартелях и совхозах области. Так, подсобное хозяйство «Шинник» объединения «Омскшина» в Омской области, которое производило в год до 60 кг сельскохозяйственной продукции на одного рабочего, имело высокую себестоимость сельхозпродукции [11]. Вклад подсобных предприятий в продовольственную корзину горожан Западной Сибири был достаточно скромным и различался по регионам. В 1981 г. в подсобных предприятиях РСФСР было произведено по 1,4 кг мяса на одного городского жителя, в Алтайском крае — 1,33 кг, в Тюменской области — 3,4 кг, в Томской — 1,5 кг, в Новосибирской — 1,27 кг, в Кемеровской — 0,7 кг, в Омской — 2,98 кг мяса [12]. Шефство и создание подсобных хозяйств осуществлялись в ситуации снижения темпов развития в аграрном секторе во второй половине 1970-х гг. и кризиса начала 1980-х гг. путем административного нажима, при этом не бралась в расчет их экономическая целесообразность.

Подводя итоги функционирования аграрного сектора области в рассматриваемый исторический период, необходимо отметить неравномерность развития сельскохозяйственных отраслей и опережающий рост объёмов государственных закупок. В Омской области значительный рост производства и закупок произошёл в отраслях, ориентированных на внутрирегиональное потребление: овощеводстве, производстве мяса и яиц. Так, среднегодовое производство овощей в одиннадцатой пятилетке по сравнению с седьмой выросло на 212 % (с 73,3 до 161,2 тыс. тонн). В то же время удельный вес госзакупок в относительных цифрах увеличился с 18 до 63 %, а в абсолютных — с 13,5 до 101,1 тыс. т. В 1981–1985 гг. среднегодовое производство мяса по отношению к 1961–1965 гг. увеличилось на 57 % и достигло 334,2 тыс. т при росте закупок на 96 %. Самый значительный прирост производства имел место в птицеводстве региона. Рост производства яиц к концу рассматриваемого периода составил 243 % (с 277,9 до 675,4 млн шт.), закупки увеличились в 6,8 раза. Удельный вес закупок возрос с 29 до 81 %. Несколько иначе складывалась ситуация в молочном животноводстве, зерноводстве и производстве картофеля. Среднегодовое производство зерновых культур в одиннадцатой пятилетке по сравнению с седьмой увеличилось на 637 тыс. т, или на 35 %, закупки выросли на 44 тыс. т, или на 6 %. В картофелеводстве, несмотря на увеличение среднегодовых объёмов

закупок со 56,3 до 129,9 тыс. т, среднегодовое производство уменьшилось на 2 % (с 679 до 663,2 тыс. т). Прирост производства молока за двадцатилетие составил 39 % (с 961,4 до 1337,4 тыс. т), закупки выросли на 60 % — с 592,1 до 951,6 тыс. т, их удельный вес увеличился с 62 до 71 % от произведённого объёма) [13].

Удельный вес сельхозпродукции, произведённой в Омской области, по отношению к Западной Сибири вырос с 18,4 до 20 %. В одиннадцатой пятилетке по объёмам валового производства сельхозпродукции Омская область поднялась с третьего на второе место среди регионов Западной Сибири, опередив Новосибирскую область и уступая только Алтайскому краю.

Кризис сельского хозяйства в стране и регионе в начале 60-х гг. XX в., обусловленный административно-командным диктатом в отношении сельхозпроизводителей и непосредственной аграрной политикой предыдущего руководства страны, побуждал новую верховную власть к принятию рациональных и прагматичных решений, предусматривавших использование в качестве стимула к труду материальную заинтересованность. Новая модель модернизированной аграрной экономики с административным планированием, включавшая в себя элементы экономической децентрализации, позволила сельскому хозяйству Омской области развиваться высокими, зачастую превышающими среднесибирские показатели, темпами в течение трёх пятилеток (21,4 % прироста валовой продукции животноводства и растениеводства в восьмой, 12,5 % — в девятой и 11,4 % — в десятой пятилетках). Но по мере достижения хозяйственных успехов в руководстве отраслью усилилась доктринальная составляющая, и главным фактором роста аграрного производства стало считаться повышение социалистической сознательности в труде колхозников и рабочих совхозов. В практической плоскости реализация данных постулатов стала причиной усиления командно-бюрократического диктата, что, в свою очередь, обусловило снижение производственных показателей и привело к кризисной ситуации в начале 1980-х гг. Выход из неё был осуществлён с помощью механизмов, определённых в очередном программном документе — Продовольственной программе 1982 г. Большинство предложенных мер повторяли решения мартовского Пленума ЦК КПСС 1965 г.: повышение закупочных цен, списание долгов колхозов и совхозов,

смягчение налогового бремени и др. В одиннадцатой пятилетке темпы среднегодового прироста значительно снизились и составили 3,8 %. Аграрный сектор нуждался в корректировке модели развития.

Библиографический список

1. Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1965–1974 гг.). — М., 1975. — С. 31–35.
2. Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1965–1974 гг.). — М., 1975. — С. 30–31.
3. Орлов, Д. С. Эволюция структуры аграрного сектора Западной Сибири во второй половине 1960-х — первой половине 1980-х годов / Д. С. Орлов // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. — № 2 (116). — 2013. — С. 46–49.
4. ГИАОО (Государственный исторический архив Омской области) Ф. 17. Оп. 1 А. Д. 1705. Л. 12.
5. ГИАОО Ф. 17. Оп. 1 А. Д. 98. Л. 33.
6. ГИАОО Ф. 17. Оп. 1 А. Д. 23. Л. 12 ; Д. 170. Л. 34.
7. ГИАОО Ф. 17. Оп. 1 А. Д. 1170. Л. 49, 83.
8. Сельское хозяйство СССР : стат. сб. — М., 1988. — С. 448, 459.
9. Омская область за 50 лет (Цифры и факты) : стат. сб. — Омск, 1985. — С. 110, 123–127.
10. ГИАОО Ф. 17. Оп. 1 А. Д. 168. Л. 106.
11. Орлов, Д. С. Аграрный сектор Кемеровской области во второй половине 1960-х — первой половине 1980-х гг. / Д. С. Орлов. — Бийск : АГАО, Ин-т истории СО РАН, 2013. — С. 94.
12. Орлов, Д. С. Сельское хозяйство Томской области во второй половине 1960-х — начале 1980-х гг.: от мартовского Пленума ЦК КПСС 1965 г. к Продовольственной программе 1982 г. / Д. С. Орлов. — Бийск : АГАО, Институт истории СО РАН, ГУТО ЦДНИ, 2014. — С. 64.
13. Народное хозяйство Омской области в одиннадцатой пятилетке. Стат. сб. — Омск, 1986. — С. 35–36.

ОРЛОВ Дмитрий Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин, заведующий кафедрой историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин, заместитель декана по учебной работе факультета истории и права.

Адрес для переписки: orlovd2010@mail.ru

Статья поступила в редакцию 13.02.2015 г.

© Д. С. Орлов

Книжная полка

Шафарик, П. Славянские древности. От Геродота до падения Гуннской и Римской держав / П. Шафарик ; пер. О. М. Бодянского ; под ред. Д. С. Дамте, Т. Ю. Крайко. — М. : Академический проект, 2015. — 476 с. — ISBN 978-5-8291-1728-3.

В настоящее издание вошло основополагающее сочинение выдающегося чешского историка-слависта Павла Йозефа Шафарика (1795–1861) «Славянские древности», заложившее основу для дальнейшего развития славяноведения и оказавшее огромное влияние на развитие данной области знания, в том числе в России. Используя богатейший материал античных и средневековых (западных и восточных) источников, Шафарик тщательно исследует окружение, в котором жили славяне, их быт, верования, приводит огромное количество сведений по исторической географии, этническому составу племен, населявших в те далекие времена Восточную Европу. В книге содержится также много материала по истории русского славянства, интерес к богатому наследию которого также пробудился у исследователей XIX столетия не без влияния выдающегося труда Шафарика. Книга может быть полезна широкому кругу читателей, но в особенности историкам, антропологам, религиоведам.

ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ И ТРАДИЦИОННЫЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РСФСР—РОССИИ: 1988—2014 ГОДЫ

Рассмотрено в контексте методологии ценностного подхода понимание сущности и значимости общечеловеческих и традиционных национальных ценностей в системе образования. Исследована реализуемая в 1988—2014 годах государственная политика в области образования и региональная инициатива по формированию аксиологических ориентиров у подрастающего поколения. Обосновывается необходимость воспитания у молодежи потребности в изучении и сохранении традиционных национальных ценностей.

Ключевые слова: общечеловеческие ценности, традиционные национальные ценности, образовательное пространство, государственная политика в области образования, школа, религия.

Современные глобализационные процессы, усиливая взаимопроникновение и смешение культур, рост миграционных процессов, негативно отражаются на формировании национально-культурного самосознания в России. Особенно остро ассимиляция отечественной и западной культуры и ценностной проявляется в среде российской молодежи. Обучение в школе, которая в постсоветский период в соответствии с действовавшими нормативно-правовыми документами ориентировалась на приоритет общечеловеческих ценностей, испытала влияние идеологического микса и массовой культуры, стало одним из факторов, детерминировавших появление поколений молодых россиян, нацеленных на самоотчуждение от традиционных национальных ценностей и историко-культурного наследия своей родины. Понимание и соотнесение таких категорий, как общечеловеческие и традиционные национальные ценности, а также определение степени допустимого влияния происходящих в современном мире глобализационных процессов на отечественное образование позволяют, с одной стороны, избежать его необоснованной изоляции, с другой — не допустить превращения в обслуживание интересов и потребностей евроатлантического мира.

Вопрос о существовании общечеловеческой цивилизации был в числе активно обсуждаемых еще в XIX веке. Автор в рамках методологических позиций цивилизационного и ценностного подходов к изучению истории опирался на утверждение русского историка, видного представителя славянофилов К. С. Аксакова о том, что общечеловеческое само по себе не существует, оно существует в личном разумении каждого человека [1]. Концептуально значимо обоснование невозможности существования общечеловеческой цивилизации русским мыслителем Н. Я. Данилевским [2, с. 128]).

Дискуссии о значимости общечеловеческих ценностей, потеряв актуальность в советский период в связи с господством официальной идеологии на

приоритет классовых пролетарских ценностей, с новой силой возобновились в конце 1980-х годов, после выхода книги М. С. Горбачева «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира», провозгласившей переориентацию СССР на общечеловеческие ценности [3, с. 147—151].

Отказ от приоритета классовых ценностей и возторженное восприятие советским обществом в период перестройки перехода к общечеловеческим ценностям (данная проблема с методологических позиций серьезно разработана З. Д. Ильиной [4]) инициировали всплеск внимания к ценностям национальным и религиозным. Так, обострившийся в СССР в конце 1980-х годов национальный вопрос стимулировал во всех территориях РСФСР разработку национально-региональных программ развития образования, мероприятий, направленных на возрождение культурно-исторической, национальной самоидентификации молодежи [5, л. 2—4, 65]. Изменение государственно-церковных отношений, масштабное празднование 1000-летия Крещения Руси, последовавшее церковное возрождение вызвали рост общественного интереса к религии. По точному утверждению И. В. Кондакова, реабилитация общечеловеческих ценностей и расширение цивилизационного выбора в ситуации культурно-исторического перепутья привели к появлению в начале 1990-х годов религиозной доминанты (православной, исламской, буддийской и т. д.) [6, с. 68].

Возникла парадоксальная ситуация, объяснение которой представляется возможным с позиций исторической последовательности. В 1988—2014 годах в отечественной научной мысли и общественном сознании менялось содержательное наполнение общечеловеческих ценностей: выполнив в период перестройки и «парада суверенитетов» функцию «пригласительного билета» религиозных знаний и усилив значимость национальной самоидентификации, они сами по сути ни религиозными, ни национальными не только не являются, но даже им противопостав-

лены. Так, Патриарх Московский и всея Руси Кирилл отмечал, что в современном мире под общечеловеческими ценностями подразумеваются ценности эпохи Просвещения: «Сформулированные в результате конкретного общественно-политического развития и его осмысления в странах Западной Европы, они [общечеловеческие ценности] коренятся в языческом представлении о человеке как мере всех вещей... и включают в себя некоторые идеи протестантизма и иудейской философии...» [7, с. 48]. Общечеловеческие ценности понимаются Русской православной церковью как основанные на секулярной морали, неотъемлемой частью которой стало не традиционное нравственное начало, свойственное каждой религии, а представление о правах человека как наивысшей ценности, в связи с чем главенствующей становилась идея свободы, лишенная христианского смысла: в итоге произошла абсолютизация личной свободы человека, сведение ее к свободе выбора, а значит, и к возможности выбора в пользу зла; на практике эта абсолютизация вылилась в нравственный и аксиологический релятивизм [8]. Представители Русской православной церкви выступали за то, чтобы гуманизм, как идеологическое течение, имеющее открытую антирелигиозную позицию, не считать главным принципом образования и воспитания, и предлагали заменить проповедуемые в рамках этой идеологии общечеловеческие ценности как приоритетный принцип развития личности на традиционные духовно-нравственные ценности [9].

Уточнения требует произошедшее в конце 1980 – 2000-х годов изменение понимания сущности и значимости национальных ценностей. Опасения советских граждан в обвинении в национализме и великодержавном русском шовинизме на этапе перестройки в результате национального кризиса и трансформации общественно-политической ситуации сменились всплеском интереса к национальной истории, стремлением к изучению и сохранению историко-культурного наследия; удаление в период перехода от СССР к России и в первые постсоветские годы из ценностных категорий таких понятий, как патриотизм и любовь к Родине, означали упразднение традиционных национальных ценностей в числе аксиологических ориентиров новой России. Происходившие в дальнейшем идеализирование либеральной идеологии и тенденции к глобализации отпоявляли традиционные национальные ценности на периферию российской идеологии. Справедливо высказывание А. К. Соколова о том, что под влиянием либеральных тенденций лозунг о возвращении к общечеловеческим ценностям трансформировался в однобокое и гипертрофированное воспевание западной цивилизации и неприятие советского прошлого [10, с. 242].

Изменение ценностных ориентиров в советско-российском обществе в 1988 – 2014 годах (отказ от пролетарской классовой идеологии, восторженное восприятие общечеловеческих ценностей, частью которых выступали ценности религиозные и национальные, возникшее в результате следования либеральной идеологии упразднение важности традиционной национальной культуры и идеализирование западных ценностей) отражалось на деятельности отечественной школы. Так, Всесоюзный съезд работников народного образования, проходивший в декабре 1988 года, провозгласил реформирование работы школы как переход к качественно новому образованию через гуманизацию и демократизацию. Председатель Государственного комитета СССР по

народному образованию Г. А. Ягодин определил ключевую задачу образования как воспитание духовно богатой личности, ориентированной на общечеловеческие ценности, обладающей развитым чувством политической и нравственной ответственности; достижению поставленной цели должно было помочь гуманитарное знание [11, л. 43]. Возникшая в ходе работы съезда секция «Гуманизация народного образования и гармоническое развитие личности» стала отражением потребностей работников образования в изменении подходов к организации учебно-воспитательной работы: было предложено не сокращать гуманитарные и общественные дисциплины, а менять их содержание, совершенствовать структуру, формы и методы преподавания, усилить гуманистический смысл преподаваемых общественных наук.

Большое значение для становления в отечественном образовании приоритета общечеловеческих ценностей имел принятый в 1992 году Закон Российской Федерации «Об образовании» [12, с. 8], утвердивший их в числе главных принципов государственной политики в области образования и закрепивший гуманизацию образования. Однако отсутствие четко сформулированной аксиологической основы гуманизации образования имело отрицательные последствия. Примером может служить введение в российских школах с 1992 года образовательной программы «Обновление гуманитарного образования в России» (часто она именовалась как «образовательная программа Сороса»). Официально цель программы была определена как гуманизация образования с ориентацией на ценности отечественной, мировой культуры современного демократического общества. Однако большинство идей, представленных в рамках обновленного гуманитарного образования, оказались губительны для России.

Имевшие место в Российской Федерации в первой половине – середине 1990-х годов острейший кризис массового сознания и плюрализм идеологий негативно отразились на школе. Аргументированное обоснование пагубности опоры на общечеловеческие ценности как центр содержания образования сдала В. Д. Шадриков [13, с. 80]. Н. Д. Никандров указывал на необходимость воспитания у детей уважения к национальным ценностям страны, к тому, «с чего начинается Родина», и лишь затем — к пониманию немногих общечеловеческих ценностей [14].

Примером пагубности отсутствия аксиологической опоры может служить сложившаяся в отечественном образовании в первой половине 1990-х годов ситуация с преподаванием общественных и исторических дисциплин, которая, по мнению членов коллегии Министерства образования Российской Федерации, стала результатом отсутствия системы общенациональных ценностей и ориентиров [15, л. 232]. Разработка стратегии развития исторического и обществоведческого образования предполагала в числе других мер обращение к определенной системе ценностей, связанных как лучшими национальными традициями, так и с общечеловеческой традицией гуманизма как глобального мировоззрения [16, с. 68].

В середине – второй половине 1990-х годов в российских регионах шли поиски аксиологических основ организации учебно-воспитательного процесса: высказывались опасения в связи с изменением содержания гуманитарных дисциплин в сторону уменьшения удельной части сведений по отечественной истории, культуре, предлагалось дополнить содержание образования сведениями об историко-культур-

ном наследии родного края, о православной культуре как традиционной и самой массовой конфессии.

На государственном уровне во второй половине 1990-х годов делались шаги по «возвращению» воспитания в школу: первым документом постсоветского периода, обозначившим необходимость воспитания школьников, стала новая редакция (январь 1996 года) Закона Российской Федерации «Об образовании». В 1999 году была принята Программа развития воспитания в системе образования России на 1999 – 2001 годы, в которой были определены концептуальные ориентиры воспитания детей и молодежи на основе гражданственности, патриотизма, народных традиций; рекомендована разработка региональных и муниципальных программ развития воспитания на основе общечеловеческих ценностей и традиций национальной культуры [17, с. 96].

В середине первого десятилетия XXI века во многих регионах России представители педагогической, научной, родительской общественности значительно раньше, чем в федеральном центре, высказывались о необходимости воспитания подрастающего поколения с опорой на традиционные национальные ценности; на местах получила распространение практика изучения православной культуры и использование ее нравственных ценностей в воспитательном процессе. Так, в качестве учебного предмета регионального базисного учебного плана было организовано преподавание курса «Основы православной культуры» в школах Калужской области, в 1 – 4 классах школ Брянской области (в 5 – 11 классах данный курс преподавался как факультатив), преподавание курса «Православная культура» — в школах Белгородской области и др. Как факультативный курс «Основы православной культуры» изучались в Курской, Орловской, Рязанской, Тульской и других областях. Результаты мониторинга изучения исторических и культурных основ традиционных религий и соблюдения принципов свободы совести, проведенного Общественной палатой Российской Федерации в 2006 году, свидетельствовали о росте практики преподавания курсов по истории и культуре религий, который в большинстве регионов был обусловлен развитием практики изучения прежде всего православной культуры (пропорционально, с учетом более 80 % этнокультурного православного населения в стране) [18].

Направленность современной государственной политики России (2013 – 2014 годы) на защиту национальной, культурной, религиозной идентичности и сохранение традиционных национальных ценностей можно охарактеризовать как первое начиная с периода перестройки явление позитивного осмысления прошлого своей страны и поиск аксиологических ориентиров в отечественном историко-культурном наследии и духовном опыте. Изменение государственной идеологии нашло отражение в упразднении из числа основных принципов политики в области образования приоритета общечеловеческих ценностей, что закреплено в новом Законе «Об образовании в Российской Федерации», вступившем в силу в 2013 году [19].

Таким образом, в 1988 – 2014 годах, которые для РСФСР – России можно охарактеризовать как период смены цивилизационной парадигмы и идеологических ориентиров, произошел переход от признания общечеловеческих ценностей главным императивом эпохи и одним из ключевых принципов отечественной государственной политики в области образования до понимания необходимости опоры на

традиционные национальные ценности в построении образовательного пространства.

Произошедшее в период перестройки в СССР изменение аксиологических ориентиров от приоритета классовых ценностей к общечеловеческим отразилось на деятельности системы образования. На рубеже 1980 – 1990-х годов национальные и религиозные ценности не противопоставлялись общечеловеческим, а выступали в качестве их составной части, служили «проводником» в образовательное пространство.

Школа, являясь индикатором официально принятых в стране ценностных основ и существующих в обществе мировоззренческих подходов, по-разному в течение исследуемого исторического периода реализовывала в своей деятельности принцип главенства общечеловеческих ценностей. Так, на этапе перестройки основным средством реализации новых ценностных ориентиров стала гуманизация образования. В первой половине – середине 1990-х годов произошел расцвет общечеловеческих ценностей в рамках идеологии либерализма как принципа государственной политики в области образования. Развившийся в российском обществе мировоззренческий плюрализм, удаление государства от формирования идеологии развития, отсутствие опоры на традиционные национальные ценности имели негативные последствия в школьном образовании, о чем, в частности, свидетельствуют введение образовательной программы Сороса, кризис преподавания общественных и исторических дисциплин.

Постепенно в обществе менялось восприятие общественных ценностей: от восторженного по сравнению с российскими и русскими традициями до понимания их разрушительного воздействия на национально-культурную самоидентификацию. В середине – второй половине 1990-х годов на местах шли поиски аксиологических основ организации учебно-воспитательного процесса, высказывались потребности в обращении к традиционным ценностям, которые в сознании многих жителей провинций центра России ассоциировались с православной культурой. В последние годы руководство страны предпринимает конструктивные попытки по формированию концептуальных основ национальной идеи, основанной на национальной идентичности, что свидетельствуют о признании значимости традиционных национальных ценностей и находит отражение в государственной политике в области образования.

Библиографический список

1. Аксаков, К. С. Русское воззрение [Электронный ресурс] / К. С. Аксаков. — М. : РГБ, 2012. — Режим доступа : <http://dlib.rsl.ru/rsl01005000000/rsl01005436000/rsl01005436857/rsl01005436857.pdf> (дата обращения: 18.08.2014).
2. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский / Сост. и ком. А. В. Белова ; отв. ред. О. А. Платонов. — 2-е изд. — М. : Благословение, Институт русской цивилизации, 2011. — 816 с.
3. Горбачев, М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира / М. С. Горбачев. — М. : Политиздат, 1988. — 271 с.
4. Ильина, З. Д. Культура и власть: трансформация духовных ценностей горожан российской провинции (1976 – 1991) / З. Д. Ильина. — Курск : Изд-во Курск. гос. пед. ун-та, 1999. — 209 с.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). ОАФ 10173. Оп. 2. Д. 196. Т. 2.

6. Кондаков, И. В. Культура России. Русская культура: краткий очерк истории и теории. В 2 ч. Ч. 1 / И. В. Кондаков. — М. : Кн. дом «Университет», 2000. — 360 с.
7. Гундяев, Кирилл. Свобода и нравственная ответственность / Кирилл Гундяев // Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / Отв. ред. М. П. Мчедлов. — М. : Ин-т социологии РАН, 2008. — С. 45–48.
8. Доклад митрополита Волоколамского Илариона на XX Рождественских образовательных чтениях [Электронный ресурс]. — Режим доступа : www.hilarion.ru/2012/01/23/4312 (дата обращения: 07.02.2013).
9. Доклад митрополита Ростовского и Новочеркасского Меркурия на XX Международных Рождественских чтениях [Электронный ресурс]. — Режим доступа : www.patriarchia.ru/db/text/1976066.html (дата обращения: 07.02.2013).
10. Соколов, А. К. Конец советской истории / А. К. Соколов // Россия на рубеже XXI века: Оглядываясь на век минувший. — М. : Наука, 2000. — С. 238–269.
11. ГАРФ. Ф. Р-9661. Оп. 1. Д. 70.
12. Российская Федерация. Законы. Об образовании : федер. закон [от 10.07.1992 № 3266-I : в ред. федер. законов от 13.01.1996 № 12-ФЗ ; от 16.11.1997 № 144-ФЗ ; от 20.07.2000 № 102-ФЗ] // Законодательство Российской Федерации об образовании. Федеральные базовые законы. — [2-е изд.]. — М. : ИФ «Образование в документах», 2001. — С. 8–55.
13. Шадриков, В. Д. Философия образования и образовательная политика / В. Д. Шадриков. — М. : Логос, 1993. — 181 с.
14. Никандров, Н. Д. Церковь, государство, общество: сотрудничество ради духовно-нравственного здоровья россиян (выступление на XX Междунар. Рождественских образовательных чтениях) / Н. Д. Никандров // Проблемы современного образования : интернет-журн. — 2012. — № 1 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://pmedu.ru/res/2012_1_1.pdf (дата обращения: 12.03.2014).

15. ГАРФ. ОАФ 10173. Оп. 2. Д. 983.

16. О стратегии развития исторического и мировоззренческого образования в общеобразовательных учреждениях : письмо Минобр. РФ [от 28 декабря 1994 г. № 24/1] // Вестник образования. — 1995. — № 3. — С. 68–79.

17. Программа развития воспитания в системе образования России на 1999–2001 годы // Школа духовности. — 2000. — № 1. — С. 96–116.

18. Предварительные результаты мониторинга соблюдения принципов свободы совести и вероисповедания при изучении учебных курсов по истории и культуре религий в государственных и муниципальных общеобразовательных учреждениях в регионах Российской Федерации, подготовленные Комиссией по вопросам толерантности и свободы совести Общественной палаты Российской Федерации 24 апреля 2007 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.oprf.ru/structure/comissions2006/11/materials/1896> (дата обращения: 10.10.2014).

19. Российская Федерация. Законы. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон [от 29.12.2012 № 273-ФЗ : ред. от 07.05.2013] [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://zakonbase.ru/zakony/ob-obrazovanii/> (дата обращения: 14.12.2014).

ПИГОРЕВА Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры истории государства и права Курской государственной сельскохозяйственной академии имени профессора И. И. Иванова; докторант кафедры истории России Курского государственного университета. Адрес для переписки: ovlebedeva117@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 02.02.2015 г.

© О. В. Пигорева

Информация

Международный конкурс

РГНФ–Немецкое научно-исследовательское сообщество (ННИС) 2016 года

Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ) и Немецкое научно-исследовательское сообщество (ННИС) в соответствии с заключенным между ними соглашением проводят международный конкурс совместных научных исследований в области гуманитарных и общественных наук на 2016 год по следующим основным научным направлениям:

- история, археология, этнография;
- экономика;
- философия, социология, политология, правоведение, науковедение;
- филология, искусствоведение;
- комплексное изучение человека, психология, педагогика, социальные проблемы здоровья и экологии человека;
- глобальные проблемы и международные отношения.

Условия конкурсов, правила оформления заявок, формы заявок и условия финансирования поддержанных проектов размещены на веб-сайте РГНФ — <http://www.rfh.ru>

Окончание приема заявок в бумажном виде — 15 сентября 2015 года до 16.00 по московскому времени.

Адрес РГНФ: 123557, Москва, Пресненский вал, д. 17, Российский гуманитарный научный фонд.
Контактная информация:

Источник: http://www.rsci.ru/grants/grant_news/302/237749.php (дата обращения: 27.02.2015)